

НИКОЛАЙ СКИБА

ЕГЕРЬ.
СИСТЕМНЫЙ
ЗВЕРОЛОВ

Николай Скиба

Егерь. Чёрная Луна. Книга 8

<https://litres.ru/74535763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Воздух пахнет хвоей, вокруг - июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках - красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес - он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	82
Глава 6	104
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Николай Скиба

Егерь. Чёрная Луна. Книга 8

Глава 1

Барут улыбался, наблюдая, как Мика обнимает своего нового пса Шва. Лекарь прижимал к себе водного волкодава с такой нежностью, будто это был его собственный ребенок. Зверь тихо поскуливал, тыкаясь влажным носом в щеку хозяина, и торговец невольно усмехнулся.

— Любовь в нашем бизнесе — это чистый убыток, — пробормотал он себе под нос, поправляя сидящего на плече Фукиса.

Синий большеглазый зверёк недовольно пискнул, услышав знакомую фразу. Его огромные, как блюда, глаза то и дело сканировали улицу.

Красавчик одним прыжком переместился на плечо к Стёпе и устроился там, обвив хвостом шею копейщика.

— Мне нужно кое с кем встретиться по торговым вопросам, — сказал Барут, поправляя ремень с кошельком. — Увидимся вечером.

— Стёпка, возьми с собой Красавчика. Идите с Микой

домой, а у меня дела. Нельзя заставлять советника короля так долго ждать, — Макс усмехнулся.

Когда торговец отделился от друзей, фукис неожиданно пискнул.

— Да, да, знаю, — улыбнулся торговец и потрепал питомца по пушистой голове. — Ты исключение, не товар. Мой младший партнёр, а не просто зверь на продажу.

Фукис довольно зафырчал и принялся чесать передней лапкой свою синюю грудку.

Барут знал: зверёк понимает каждое слово. Его способность оценивать потенциал других питомцев делала торговлю намного эффективнее, но не в этом была главная ценность. Фукис был единственным, кто знал все секреты Барута и никогда их не выдаст.

Торговец тяжело вздохнул и зашагал к Северным воротам быстрее. Впереди ждал тяжелый день — нужно было реализовать двух огненных волков третьей ступени. Молодые звери, красивые, сильные. Он кормил их лучшим мясом, лечил каждую царапину. Волки привыкли к нему. А сегодня он продаст их наёмнику из Золотого королевства.

— Вот и вся философия нашего дела, — сказал он Фукису, минуя группу пьяных Мастеров. — Сначала взращиваешь, потом отдаёшь за звонкую монету.

Зверёк скосил на него глаза — в этом взгляде читалось что-то вроде укора. Барут хмыкнул.

— Не смотри так. Я не получаю от этого удовольствия. Но

таковы правила игры. Зверь — товар. Привязанность — помеха прибыли. А деньги... нужны. Хреновый из меня торговец.

Он замедлил шаг, глядя на массивные каменные ворота, украшенные резьбой. У входа толпились торговцы со всех концов континента. Кто-то кричал о редких зверях из Пустынных земель, кто-то расхваливал северных ледяных волков. Обычный рыночный шум, знакомый до боли. Почему-то именно здесь шла основная торговля. Наверное, из-за стражи.

Барут остановился возле фонтана, давая Фукису попить. Зверёк спрыгнул с плеча и направился к воде, но его походка изменилась — размеренные шажки превратились в торопливые семенящие движения. Большие глаза расширились, ноздри задрожали, и он издал тихий, почти болезненный стон удовольствия.

Фукис припал к краю фонтана, жадно лакая воду, но вскоре его морда окунулась глубже. Передние лапки соскользнули на мокрый камень, и зверёк попытался залезть в воду целиком.

— Эй, хватит! — Барут одним движением подхватил питомца за загривок, отрывая от воды. Фукис дёргался в его руках, пытаясь вернуться к фонтану, издавая жалобные попискивания. Его шерсть была мокрой, а в глазах плескалось что-то похожее на опьянение. — Знаю я твою слабость, проказник. Воды тебе хватит на сегодня, пьяница. Я думал, мы

с тобой договорились?

Зверёк обиженно насупился и фыркнул.

— Знаешь, что самое противное? — тихо продолжил торговец, присаживаясь на каменный бортик. — То, что я действительно люблю их всех. Каждого зверя, который проходит через мои руки. Вижу в них личности, характеры и души. А потом... продаю, как мешки с зерном. Вот что значит быть рядом с Максом. Непросто, согласишься?

Фукис ословело посмотрел на парня и запрыгнул обратно на плечо, покачиваясь. Его шёлковая шерстка была слегка влажной, и Барут машинально погладил её.

— Давай трезвей. Ты же знаешь, что нельзя в воду!

Барут поднялся и отряхнул пыль с плаща. День обещал быть долгим и болезненным. Как всегда.

Он почти дошёл до назначенного места и призвал зверей. Два огненных волка материализовались в знакомых вспышках света, но что-то было не так. Фукис на его плече тут же напрягся и тихо заскулил — верный признак того, что с товаром что-то не так.

Вместо привычного мускуса здоровых зверей в воздухе повис кислый запах.

— Во-о-о-о-от блин, — протянул торговец, разглядывая своих питомцев.

Волки поджали хвосты и жались к стене. Их обычно яркая красно-золотая шерсть потускнела, словно кто-то посыпал её пеплом. Морды были вытянутые, глаза тусклые. Ко-

гда Барут достал из сумки кусок свежего мяса, звери даже не подняли головы.

— Нервничают, — констатировал Барут, осматривая зверей. — Город их пугает.

Он знал эту проблему. Огненные волки — звери гордые, чувствительные к изменениям в атмосфере, а его связь оставляет желать лучшего. Постоянный шум, запахи чужих магических зверей — все это выбивало их из колеи. А когда волк нервничает, его внутренний огонь слабеет. Тускнеет шерсть, пропадает аппетит.

И цена падает в два раза.

— Отлично, — буркнул торговец. — Просто чертовски отлично.

Фукис подбежал к волкам. Те даже не пошевелились. Сильный зверёк обнюхал их, потом вернулся к Баруту и покачал маленькой головой — жест, который торговец научился понимать как «состояние плохое, но поправимое».

Барут достал записную книжку и быстро освежил в памяти условия сделки. Покупатель ожидал волков в идеальном состоянии — таков был уговор. Тусклая шерсть была совсем не к месту. Нужно было действовать быстро.

— Держись, дружок, — сказал он Фукису. — Придётся поднапрячься, пока время есть. Хорошо, что заранее проверили.

Следующие два часа превратились в сумасшедшую гонку по торговым рядам. Барут знал в Оплоте Ветров всех.

Сначала лавка старика Мерица — у него не было нужного товара. Потом братья Каменные — закрыто. Наконец, в четвертой лавке Барут нашёл то, что искал: маленькую склянку с серо-красным порошком.

— Пепел Саламандры, — обрадовался лавочник, толстый мужчина с жирными пальцами. — Забирайте.

— Цена? — коротко спросил Барут.

— Три золотых.

Торговец чуть не подавился.

— Грабёж средь бела дня, — пробормотал он, но достал кошелек.

Алхимик пожал плечами.

— Турнир, знаете ли. Спрос большой, а пепел отличный.

Барут внимательно осмотрел мешочек с пеплом — высыпал щепотку на ладонь, растёр между пальцами, проверяя консистенцию. Пепел должен был быть мелким, как мука, но при этом слегка маслянистым на ощупь. Понюхал — правильный запах серы с едва уловимой сладковатой ноткой. Поддельный пепел обычно пахнет просто жжёной бумагой.

— Качество нормальное, — пробормотал он себе под нос и заплатил, стиснув зубы. Фукис сочувственно пискнул ему в ухо.

Вернувшись к Северным вратам, торговец принялся за дело. Достал лучшие куски говядины, которые купил по пути, и аккуратно сыпал их дорогим пеплом. Серо-красный порошок зашипел, соприкоснувшись с мясом, и воздух напол-

нился острым запахом.

Волки тут же подняли головы. В их глазах мелькнула заинтересованность.

— Ну вот, совсем другое дело, — улыбнулся Барут.

Он взял первый кусок и протянул его старшему волку. Зверь осторожно понюхал, потом аккуратно взял мясо из рук торговца. Его клыки едва коснулись пальцев Барута.

— Хороший мальчик, — пробормотал торговец, почесав волка за ухом. — Знаю, знаю, город тебя пугает. Но потерпи ещё немного.

Второй волк — молодая самка — подошла смелее. Она позволила Баруту погладить свою голову, пока жевала обработанное мясо.

Уже через полчаса изменения стали заметны. Шерсть зверей заблестела, глаза прояснились. Внутреннее пламя, питаемое пеплом Саламандры, разгорелось с новой силой.

Да уж, своими советами Максим приносил делу невероятную пользу. А ведь так и не рассказывает, откуда знает столько подробностей. Барут уточнял — никто не знал, даже Лана, с которой они сблизились.

Парень присел на корточки перед волками и вздохнул. Звери доверчиво тыкались в его ладони мокрыми носами.

— Ещё несколько часов, и вы будете как новенькие, — сказал он им тихо. — А потом я вас продам. И вы уедете с чужим человеком в чужие земли.

Фукис запрыгнул ему на плечо и сочувственно потёрся о

шею.

— Знаю, что ты думаешь, — усмехнулся Барут. — И ты прав. Плохой из меня торговец. Как бы не старался, всё равно слишком привязываюсь к товару.

Барут поднялся, отряхнул пыль с плаща и оглядел площадь у Северных врат. Покупатель из Золотого королевства должен был появиться к полудню, но солнце уже склонялось к западу. Торговец знал этот тип — заставить ждать, чтобы показать свою важность. Типичная игра на понижение цены.

Фукус заёрзал на плече, его большие глаза забегали по сторонам. Верный признак приближающихся клиентов.

— Эй, торговец! — Голос прозвучал за спиной.

Барут обернулся. К нему приближался молодой Мастер лет двадцати в дорогих одеждах. Золотые пуговицы, лакированные сапоги. За ним плелся слуга.

— Хорошие у тебя огненные волки, — юнец окинул зверей оценивающим взглядом. — Хочу одного. Самого красивого.

Барут медленно поднял взгляд с волков на паренька. Мягкие ладони без мозолей. Изнеженное лицо. Походка человека, который никогда не держал в руках ничего тяжелее кубка с вином.

— Для чего тебе волк? — спросил он ровно.

— Как это для чего? — юнец хмыкнул. — Это уже моё дело. Но если так хочешь знать, то нужно произвести впечатление на одну девушку. Она обожает огненных зверей.

Фукис издал презрительный писк. Барут погладил его по голове — зверёк точно выразил его мысли.

— Огненный волк — не игрушка для свиданий, — сказал торговец. — Это хищник. Он может сжечь тебя заживо, если почувствует страх или неуверенность. Доверие важно, Мастер.

— Да брось! — парень махнул рукой. — Я заплачу хорошо. Сорок золотых за самого крупного.

Цена была щедрой. Более чем щедрой. Но Барут покачал головой.

— Не продаю.

— Что? — юнец вытаращил глаза. — Ты с ума сошёл? Я предлагаю сорок золотых!

— А я отказываю, — Барут перевёл взгляд на волков. Звери почувствовали напряжение и настороженно подняли головы. — Через неделю этот волк разорвёт тебя на куски.

— Но деньги...

— Моя репутация стоит дороже твоего золота, парень.

Юнец покраснел, пробормотал что-то оскорбительное и отошёл, увлекая за собой слугу с поклажей.

Не успел Барут перевести дух, как к нему подошёл второй клиент. Этот был другого сорта — опытный наёмник в кожаном доспехе. Его взгляд цепко скользнул по волкам, оценивая каждую деталь.

— Красивые звери, — констатировал наёмник. — Но вон у того хромота задней лапы. И шерсть не такая яркая, как

должна быть у элиты.

Барут нахмурился. Никакой хромоты у волка не было — зверь просто слегка поджимал лапу, стоя на холодном камне.

— Цену сбавишь? — продолжал наёмник. — За бракованный товар много не дам.

Они сговорились что ли все?

Фукис быстро подбежал к поясу наёмника. Его маленькие лапки проворно развязали завязки кошель, и мешочек с монетами оказался в его зубах. Зверёк вернулся к хозяину и демонстративно вытряхнул содержимое на землю.

Барут посмотрел на россыпь медяков и серебряков. Золотых монет было лишь несколько.

— Партнёр очень тонко намекает, что вы торгуетесь, потому что у вас не хватает денег, — перевёл торговец. — Простите, у вас просто не хватит на элиту. Да и не продаются эти волки, на них уже есть покупатель.

Наёмник покраснел от злости.

— Это что за дерьмо? Твоя крыса залезла в мой кошель!

— Фукис — не крыса. Он оценщик, — Барут присел на корточки и собрал рассыпанные монеты. — И он прав. В вашем кошеле денег хватит разве что на волка второй ступени.

Торговец призвал одного из младших зверей из своей коллекции — молодого огненного волка. Зверь был здоров, но, конечно, послабее лучшего товара.

— Вот этот вам подойдёт, — сказал Барут. — При правильном уходе он дорастёт до третьей ступени. Забирайте.

Ну а если нет денег и на него, то настолько слабых питомцев я не продаю.

Наёмник стиснул зубы. Его гордость была задето в самое болезненное место.

— Сколько?

— Пять золотых.

— Отлично, — прошипел он. — Беру твоего волка за полную цену. Скоро вернусь, жди здесь.

Барут лишь пожал плечами, глядя на отдаляющуюся фигуру.

Солнце почти коснулось горизонта, когда к нему наконец подошёл настоящий покупатель. Высокий мужчина лет сорока в простом, но качественном плаще. Шрамы на руках, уверенная походка. Взгляд цепкий, спокойный — взгляд человека, который знает цену и своей жизни, и чужой.

— Ты Барут? — спросил он без предисловий. — Прошу прощения, меня задержали. Огненные волки третьей ступени готовы?

— Готовы, — торговец кивнул и призвал обеих зверей, которых до этого прибрал в ядро. Подальше от любопытных «покупателей».

Волки материализовались в знакомых вспышках света. Пепел Саламандры сделал своё дело — их шерсть пылала золотом, глаза блестели здоровьем и силой.

Покупатель молча обошёл зверей, оценивая их. Проверил зубы, пощупал мускулатуру на лапах, заглянул в глаза. Волки

позволяли ему это — чувствовали волю текущего хозяина.

— Хорошие звери, — констатировал мужчина. — Здоровые, правильно откормленные. Видно, что за ними следили.

— Я всегда слежу за своими подопечными, — ответил Барут.

— Цена?

— Шестьдесят золотых за обоих.

Мужчина кивнул, не торгуясь. Достал увесистый кошель. Звон золота был сладкой музыкой для торговца, но сердце почему-то сжалось.

— Они пойдут с нами в Ледяные пустоши, — сказал покупатель, укладывая кошель на руку Баруту. — Там много работы в охране. За ними будут хорошо смотреть.

— Знаю, — торговец припрятал кошель. — Вас рекомендовали.

Наступил момент передачи. Самый тяжёлый момент в работе Барута, но не любого торговца зверями.

Покупатель протянул руки и положил ладони на головы волков. Барут сделал то же самое. Звери почувствовали смену обстановки и тихо заскулили.

Старший волк повернул голову и посмотрел на Барута. В этих янтарных глазах читалась преданность. Память о том, как торговец кормил его с рук, лечил царапины и всегда хорошо обращался.

Барут стиснул зубы. Сердце кольнула привычная боль профессионального предателя. Но сделка есть сделка.

Он сосредоточился на ментальных нитях, связывающих его с волками. Тонкие струны привязанности. Аккуратно, осторожно, он начал ослаблять их. Связь текла от него к покупателю, как вода из одного сосуда в другой.

Волки дёрнулись, почувствовав перемену. Их взгляды метнулись от Барута к новому хозяину и обратно. В глазах мелькнуло недоумение и почти детская обида.

— Всё хорошо, — прошептал парень, глядя их по головам последний раз. — Идите. Ваш новый хозяин — хороший человек.

Ментальные нити окончательно перетекли к покупателю. Волки повернулись к нему, приняхались и вильнули хвостами. В их позах читалось принятие новой реальности.

Барут резко отвернулся, чтобы не видеть, как его бывших питомцев уводят прочь.

Фукис забрался ему на плечо и снова с сочувствием потёрся о шею.

— Всё, — сказал Барут тихо, глядя в пустоту. — Я больше не могу. Наймём продавцов, и я перестану делать это сам. Я устал смотреть им в глаза.

Золото в кошеле звенело при каждом шаге. После каждой крупной сделки накатывала одна и та же тоска — словно что-то важное навсегда ускользало из рук. Нужно было расслабиться. Хотя бы на один вечер перестать думать о своей работе и о том, что он снова потерял зверей, которых растил.

Барут свернул к знакомой таверне «Пенная кружка». За-

ведение было из тех, что не закрывались до утра и не задавали лишних вопросов. Тусклый свет ламп, скрипучие половицы, столы, источенные ножами пьяных посетителей — всё как он любил.

Внутри пахло элем, жареным мясом и дымом из трубок. За столами сидели наёмники с рубцами на руках, торговцы, считающие выручку, дамы лёгкого поведения в ярких платьях. Обычная ночная публика Оплота Ветров, каждый со своими проблемами и секретами.

Барут заказал крепкого эля — того самого, что жёг горло и затуманивал мысли. Устроился в углу, поставив Фукиса на потёртый деревянный стол. Зверёк настороженно оглядывался, его большие глаза фиксировали каждого посетителя в зале. Слишком много незнакомых запахов, слишком много потенциальных угроз.

Барут залпом осушил кружку, заказал ещё одну. Алкоголь растекался по венам тёплой волной, размывая острые углы дневных воспоминаний. Янтарные глаза волков, полные преданности. Их недоумение в момент передачи связи. К чёртовой матери это всё.

— Устал? — Мягкий женский голос прозвучал совсем рядом.

Барут поднял голову, моргнув затуманенными глазами. Перед ним стояла молодая женщина с каштановыми волосами, заплетёнными в простую косу. Умные зелёные глаза внимательно изучали его лицо. Простое серое платье из хо-

рошей ткани — не дешёвое, но и не кричащее. На руках следы от иголок — швея или вышивальщица.

— Можно сесть? — спросила она, кивая на свободный стул. — Вы выглядите так, будто вам нужна компания.

Барут пожал плечами и пододвинул стул. Что-то в её манерах говорило о том, что это не обычная ночная бабочка. Слишком уверенно держится, с простотой смотрит прямо в глаза.

— Барут, — представился он, протягивая руку.

— Элла. — Её ладонь была тёплой, с мозолями на кончиках пальцев. Определённо швея.

Прикорнувший Фукис взбудоражился и с любопытством обнюхал незнакомку. Обычно зверёк шипел на чужих женщин, особенно тех, что слишком активно заигрывали с хозяином. Но на этот раз он спокойно позволил ей погладить свою синюю шерстку.

— Красивый зверёк, — заметила Элла. — Впервые такого вижу. Наверное, дорого стоит.

— Этот не продаётся, — быстро ответил Барут. — Он партнёр, а не товар.

Элла искренне улыбнулась. Вовсе не той натянутой улыбкой, которой обычно встречают богатых клиентов.

— Вы торговец? Понимаю. У меня тоже есть кот, которого ни за что не отдам. Рыжий наглец, но мой.

Они проговорили больше часа. Элла действительно оказалась торговкой тканями из соседнего квартала — пока-

зала мозоли от работы с иглой, пожаловалась на капризных клиенток из высшего общества. Умела слушать, задавала правильные вопросы, не лезла с советами. Когда Барут, подогретый алкоголем, рассказал о своей работе, она не стала изображать восхищение или осуждение.

— Тяжёлое дело, — только и сказала она, потягивая разбавленное вино. — Привязываться к тому, что придётся отдать. Я шью свадебные платья — тоже не просто. Месяцами работаешь над нарядом, он становится как живой, а потом отдаёшь чужой женщине и больше никогда не увидишь.

Фукис перебрался к ней на колени и свернулся клубочком, что было редкостью. Зверёк чувствовал людей лучше любого сторожевого пса, и его спокойствие говорило о многом.

— Выпьём ещё? — предложила Элла, когда их кружки опустели.

— А почему бы и нет, — согласился Барут. Голова уже кружилась, но приятно. Впервые за долгое время он не думал о делах, о деньгах, о том, правильно ли поступает.

Ещё через час, когда алкоголь окончательно размыл границы осторожности, Элла наклонилась ближе. Её волосы пахли лавандой и чистотой.

— Знаешь, мой дом совсем недалеко, — сказала она тихо. — Если хочешь... просто поговорить. Или помолчать. Иногда это тоже нужно.

Барут посмотрел в её глаза. В них не было расчёта, жад-

ности или фальши. Просто понимание одинокого человека, который узнал такого же одинокого.

— Пойдём, — согласился он, поднимаясь со стула. Фукис недовольно пискнул, когда его потревожили, но послушно забрался хозяину на плечо.

Ему нужно было забыться. Хотя бы на несколько часов почувствовать себя просто мужчиной в объятиях понимающей женщины.

* * *

Выходя из дома Эллы уже за полночь, Барут чувствовал себя намного лучше. Девушка оказалась именно тем, что нужно — никаких лишних слов, никаких обещаний встретиться снова. Просто человеческое тепло. Но он бы хотел ещё раз зайти к ней. Тянуло, что ли. Торговец пьяно усмехнулся. Ну надо же.

Фукис сидел на плече и изредка позёвывал. День выдался долгий и для него.

Барут шёл по узким переулкам, подсчитывая прибыль. Шестьдесят золотых за волков, минус три золотых за пепел саламандры. Минус двадцать за содержание и рост зверей. Чистая прибыль — тридцать семь. Неплохо для одного дня. Можно позволить себе несколько дней отдыха.

Переулок был пуст. Только редкие фонари освещали замшелые стены домов. Барут почти дошёл до своего района, когда услышал шаги сзади.

Он обернулся.

Кулак врезался ему в челюсть с такой силой, что искры заплясали перед глазами. Барут упал на спину, ударившись затылком о мокрые камни.

— Фукис! — успел выкрикнуть он, чувствуя, как зверёк соскальзывает с плеча.

Второй удар пришёлся в переносицу. Хрустнула кость, и рот наполнился кровью. Тяжёлый сапог придавил грудь к земле, не давая подняться.

— Где твой дружок, торговец? — прошипел знакомый голос.

Барут с трудом разлепил глаза. Над ним нависал зверолов — тот самый, у которого Максим отобрал водного волкодава. Лицо агрессора было перекошено от ненависти. За его спиной маячили ещё четыре силуэта.

— Твой дружок забрал мою псину, — садист наклонился ближе. — А долги надо платить.

Рядом с Барутом материализовался волк крови третьей ступени. Зверь оскалился, и слюна закапала торговцу на лицо. Запах из пасти ударил в ноздри.

— Забери деньги, — хрипло проговорил Барут. — Возьми всё золото. В кошеле шестьдесят золотых.

Садист рассмеялся и пнул его в висок. Мир качнулся.

— Золото я, считай, забрал, — он вытащил из-за пазухи знакомый кошель. — А теперь принесёшь тысячу. ТЫСЯЧУ, ТЫ ПОНЯЛ?! Или твой дружок пусть приходит поиграть.

Раздался тихий писк. Один из бандитов поднял Фукиса за шкуру.

— Ну и уродец, — зверолов схватил синего зверька.

Фукис отчаянно кусался, но человек сжал его горло.

— Не трогай его, мразь! — Барут попытался подняться, но сапог снова впечатал его в грязь.

Парень отчаянно пытался что-то придумать, но сегодня он продал всех боевых зверей. Они что, всё это время следили за ним?

— Ого, дорогой тебе зверёк, да? — садист усмехнулся и швырнул бьющегося Фукиса в сумку. — Тогда даже так сделаем: тысяча золотых, и получишь свою тварь обратно. Живой.

Последнее слово он произнёс с особым смаком.

Барута избивали ещё минуты две. Рёбра, живот, почки. Когда он уже не мог даже стонать, садист наклонился к его уху.

— Времени у тебя до следующего вечера. Приходи к старым складам у восточной стены. Один. Или даже со своим дружком-героем. Вы даже не знаете, с кем связались.

Последний удар пришёлся в солнечное сплетение. Барут потерял сознание под звуки удаляющихся шагов и приглушённый писк Фукиса.

Нет...

Только не маленький партнёр.

А спустя чёрт знает сколько времени, он услышал голос.

— О боже мой! Барут!

Женский голос. Но почему так тепло? У неё что, огненная аура?

И ластится к нему, как горностай. Хотя усы как у рыси.

Рычит ещё...

Странная женщина...

Замутнённое сознание парня вновь провалилось во мрак.

Глава 2

Я вбежал на зов Актрисы в дом с ожиданием увидеть хаос, но вместо паники меня встретила деловая тишина.

— Где он? — коротко спросил я.

Лана кивнула в сторону спальни.

— Красавчик учуял его запах раньше меня. Мы нашли Барута в переулке.

Я прошёл в комнату, где на кровати лежал мой друг. Лицо торговца превратилось в месиво из ссадин и гематом, правый глаз заплыл так, что веко напоминало переспелую сливу. Но грудь поднималась и опускалась ровно — зелье регенерации делало свою работу.

Ника аккуратно меняла повязку на рассечённой брови Барута. Девчонка двигалась уверенно, без дрожи в руках, которая бывает у тех, кто впервые видит настоящие увечья.

Мика быстро осмотрел парня.

— Как везли? — обратился он к пантере.

— На спине у Актрисы. — Лана села на край стула, наблюдая за работой Ники. — Сознание терял дважды по пути. Дали ему зелье ещё до вашего прихода.

У окна замер Стёпа, сжимая древко копья. Его взгляд метался между улицей и раненым — классическая позиция часового, который готов к бою, но боится пропустить изменения в состоянии товарища.

Я подошёл ближе, осматривая повреждения. Били профессионально — по болевым точкам, избегая жизненно важных органов. Хотели причинить страдания, не убить.

— Говорил что-нибудь?

— Бредил про Фукиса. — Ника не отвлекалась от повязки. — И называл какую-то сумму. Тысяча золотых, кажется. Максим... зверька нигде нет. Он ведь в ядре?

— Чёрт. Нет, Ника, Фукис не может быть в ядре, как и Красавчик, — прорычал я.

Значит, питомца забрали. Маленький синий зверёк стоил дорого, но не тысячу золотых. Тут что-то другое — месть или попытка заманить нас в ловушку.

Оценщик пропал... Выкуп? Даже если так, сумма заоблачная.

— Периметр чист, — процедил сквозь зубы Стёпа, не оборачиваясь от окна. — Слышь, Макс. Хотелось бы поговорить по душам с ублюдками.

— Хотели бы убить, убили бы, значит ещё встретимся, — ответил я и ещё раз посмотрел на Барута. Зелье уже начинало затягивать раны.

Актриса лежала в углу, но не отдыхала — каждые несколько секунд её глаза вскидывались к окну, уши поворачивались к малейшему шороху за дверью. Во взгляде читалось разочарование хищника, которого увели с охоты раньше времени.

— Ты хорошо поработала, — сказал я сестре.

Она подняла голову, и в её глазах мелькнула гордость. В отличие от брата, Актриса всегда нуждалась в похвале.

Мика осторожно приподнял веко Барута, проверяя реакцию зрачка.

— Избивали долго, но аккуратно. Сломанных костей не нашёл, внутренние органы целы. — Подтвердив мои смыслы, он смочил тряпку в воде и промокнул засохшую кровь у уголка рта торговца. — Кто бы ни делал это, знал, как причинить максимум боли.

Барут застонал и попытался открыть глаза. Левый глаз, единственный, который мог открыться, сфокусировался на мне с трудом.

— Макс... — хрипло прошептал он.

— Я здесь. Не дёргайся.

— Фукиса... забрали... — Он попытался приподняться, но Ника мягко надавила ему на плечо, заставляя лечь обратно.

— Кто?

— Зверолов... тот самый... с псом... — Барут закрыл глаз, собираясь с силами. — Месть... за унижение...

Я сразу понял, о ком речь. Тип, у которого мы отобрали Шва.

— Что хочет?

— Тысячу золотых... завтра... старые склады у восточной стены... — Дыхание Барута участилось от напряжения.

— Отдыхай. Мы разберёмся.

Но торговец схватил меня за рукав.

— Не дай им... убить его... Фукис доверял мне...

В его голосе была такая боль за зверька, что я не смог промолчать.

— Никто его не тронет.

Барут отпустил мою руку и снова прикрыл глаза. Ника проверила его пульс и удовлетворённо кивнула.

— Зелье работает. Скоро должен прийти в себя окончательно.

Я вышел из комнаты, жестом подзывая к себе Лану и Стёпу. Мика с сестрой остался следить за больным. В главной комнате запахло напряжённостью — все понимали, что расслабляться рано.

Мы устроились за столом. Лана села напротив меня, Стёпа остался у окна с копьём наготове.

— Значит, тот садист решил свести счёты, — проговорил я, постукивая пальцами по столешнице. — Тысяча золотых. Серьёзная сумма для мести.

— Может, дело не только в мести? — предположила Лана. — Фукис — редкий зверь. Его способности оценивать потенциал других питомцев стоят дорого.

Я покачал головой.

— Не настолько. Даже если и так, оценщик не потянет на тысячу. Да и откуда им знать, что делает фукис? Тут что-то другое. Чёрт, неужели действительно просто месть?

— Не знаю, Макс, — протянул Стёпка. — Какой ещё вы-

куп... Такое спускать нельзя.

— Понимаю. Но и об осторожности забывать тоже нельзя.

Мы несколько минут посидели молча. Стёпа был прав — я не собирался спускать такое с рук никому. Нужно просто кое-что проверить.

Из спальни послышался стон. Барут снова приходил в себя.

— Пойду гляну, как он, — сказала Лана, поднимаясь со стула.

— Подожди. — Я перехватил её за руку. — Сначала я. Лана нахмурилась.

— Что у тебя на уме?

— Мне нужно кое-что проверить.

После истории о лже-Хароне, когда некто мог принять любое лицо и завладеть любыми воспоминаниями... Прости, Барут, рисковать просто не имею права.

Я вошёл в спальню. Торговец лежал с закрытыми глазами, но дыхание стало более ровным. Ника аккуратно меняла повязку. При моём появлении она обернулась.

— Как дела?

— Зелье помогает даже быстрее, чем мы думали. Вроде окончательно приходит в себя.

Я подошёл ближе.

Взгляд торговца сфокусировался на мне.

— Макс...

— Как себя чувствуешь?

— Паршиво. — Он осторожно провёл языком по разбитой губе. — Голова трещит, а в рёбрах что-то хрустит.

— Ничего, скоро заживёт. Главное, что живой.

Барут попытался приподняться. Я помог ему сесть, подложив под спину подушку.

— Спасибо за подмогу, — сказал он, кивая в сторону двери. — Если бы не Лана...

— Она тебя нашла.

— Да.

Я кивнул, но внутри что-то сжалось. Что ж, он вменяем. Пора проверить.

Резким движением прижал Барута к подушке и приставил нож к его горлу. Ника ахнула и отпрыгнула в сторону, опрокинув миску с водой. Мика рванулся вперед, но остановился, увидев мой взгляд. Торговец выпучил глаза от неожиданности.

Краем глаза заметил, как замерла возле двери Лана — её рука инстинктивно дёрнулась к поясу. Но она не двинулась с места, доверяя моему решению. Из углов комнаты доносилось едва слышное рычание. Стая почувствовала готовность вожака к бою, но не двигалась без приказа.

— Макс! Ты что творишь?

— Отвечай быстро, — процедил я сквозь зубы. — Когда-то давно мы встретились в лесу, и я попросил привести лекаря, чтобы провести ещё одну проверку, после того как Ефим изгнал меня. Сколько монет я тебе тогда дал?

Барут уставился на меня, словно я спятил.

— Что? Какие ещё монеты?

— Для лекаря. Сколько монет я дал?

— Да ты думаешь я знаю, придурок?! — взорвался он. —

Это было сто лет назад! Я должен помнить каждую медяшку? Посчитать те крохи и запомнить на всю жизнь?!

Злость в его голосе была искренней. Настоящий Барут мог забыть такую мелочь. А вот существо с идеальным доступом к чужой памяти наверняка назвало бы точную сумму.

Я убрал нож и помог другу нормально сесть. Лана выдохнула и отпустила рукоять кинжала. Стёпа покачал головой, а рычание стаи стихло.

— Прости. Пришлось проверить.

— Проверить что? — Барут потёр шею там, где касалось лезвие.

Я коротко напомнил всем о ситуации с лже-Хароном.

— Вот дерьмо, — выдохнул торговец, когда я закончил.

— И долго мне придётся отвечать на дурацкие вопросы каждый раз, когда мы встречаемся?

— Извини, это всё выглядело как план по внедрению. В любом случае, проверить было несложно.

Торговец кивнул с пониманием. Боль в его глазах сменилась злостью — это хорошо. Злость означала, что он приходит в себя.

— Теперь рассказывай всё, что помнишь о нападении.

Барут медленно, но подробно пересказал события вечера.

Засада в переулке, избивание, угрозы. Когда он дошёл до того, как забрали Фукиса, голос дрогнул.

— Тысячу золотых к завтрашнему вечеру. У старых складов возле восточной стены. — Он сжал кулаки. — Сказал, что мы не знаем, с кем связались. И упоминал тебя, Макс. Это месть за то, что ты отобрал у него пса.

Ну и ублюдок. Упрямая рожа, садистские наклонности, привычка избивать собственного питомца плетью.

— Значит, он решил, что мы лёгкая добыча, — проговорил я, чувствуя, как в груди разгорается знакомый холод. — Ошибся.

— Макс, — Лана наклонилась вперёд, — там может быть ловушка, сам сказал.

— Не похоже. — Я встал и начал ходить по комнате. — Тут личное, слишком многое на это указывает. В любом случае, мы не будем играть по его правилам.

Стёпа подошёл ко мне.

— Предлагаешь то, о чём я думаю?

— Да. Выдвигаемся прямо сейчас. Пока он не ждёт.

— А как найдём их? — спросила Лана.

— В каждом городе есть районы, где водятся подонки. Начнём с места, которое он обозначил сам. Вы с Красавчиком легко выследите их. Почему-то уверен, что он не особо скрывается — слишком открыто действовал. Не удивлюсь, если на складах и сидят.

Барут попытался подняться с кровати, но Ника мягко

удержала его.

— Лежи. Тебе нужен отдых.

— Ага, размечтались! — Торговец оттолкнул её руку и с трудом встал на ноги. — Это мой зверь, моя ответственность. Я иду с вами.

— Барут, ты едва держишься на ногах.

— А через час от всех побоев не останется следа, — он указал на почти пустую склянку зелья регенерации. — Я уже чувствую себя лучше. Мой питомец боится чужих, а этот ублюдок может его замучить просто ради развлечения. Хочешь, чтобы я сидел дома, Макс?! Что скажешь, Зверолов, а? Ты сам-то остался бы дома?

Спорить было бессмысленно. Да и что сказать? Ведь он прав.

— Хорошо. Час на восстановление, потом выдвигаемся.

— Макс, — Мика встал с места, где сидел рядом с сестрой, — может, стоит попробовать переговоры? Выкупить зверя?

Я посмотрел на него — всё ещё наивный парень, верящий в добро и справедливость.

— Мика, этот тип избил Барута ради удовольствия. Он не остановится, даже если получит деньги. Таких останавливает только сила.

Лана кивнула с пониманием.

— Такое нападение нельзя оставлять безнаказанным, ребята.

Пантера понимала мои внутренние законы лучше многих.

Я почувствовал, как внутри что-то переключается — из режима защиты в режим охоты.

Через час мы уже двигались к портовому району. Барут шёл твёрдым шагом — зелье регенерации сделало своё дело, от побоев остались лишь желтоватые следы под глазами. Но главное — в его движениях читалась холодная решимость. Такое настроение мне нравилось больше, чем бессмысленная тоска по питомцу.

Старые склады ютились в самой запущенной части Оплота Ветров, где между брёвнами пахло гнилой рыбой и застоялой водой. Идеальное место для тех, кто не хочет привлекать внимание городской стражи.

— Красавчик, — тихо позвал я, когда мы остановились в тени заброшенного причала.

Горноста́й появился рядом с моей ногой, его белая шёрстка почти сливалась с лунными бликами на мокрых досках.

— Найди их. Ищи запахи крови, пота, звериный мускус. Большая группа людей и их питомцев — не местные бродяги.

Красавчик принялся к воздуху, его ноздри задрожали. Зверь уловил нужное направление и скользнул в темноту между складами.

Через несколько минут горноста́й вернулся и тихо запищал, его поведение говорило о находке — напряжённая поза, уши прижаты к голове. Он повёл нас вглубь складского лабиринта, к массивному ангару в самом центре территории.

Я призвал Актрису. Ветряная рысь бесшумно обошла периметр здания. Через минуту вернулась и передала серию образов: двое часовых у главного входа, ещё несколько человек внутри, запах магических зверей — волки, судя по всему.

Режиссёр всё ещё был не в себе после встречи с поддельным следом Альфы в лесу. Старик держал его на коротком поводке в глубинах ядра, не давая вырваться наружу. Пока лучше не рисковать — брат может сорваться в самый неподходящий момент.

— Охрана минимальная, — прошептал я остальным. — Похоже очень уверены в себе.

— В любом случае, нам нужен Фукис, — тихо ответил Барут. — Живой и здоровый.

Слегка напрягала эта уверенность, неужели тот садист кто-то из важных людей Оплота Ветров? Но я всё равно кивнул и повёл группу в обход.

Часовые оказались там, где и ожидалось. Двое мужчин средних лет в кожаных доспехах, слегка потрёпанных, но функциональных. Мастера, а не простые уличные бандиты — это меняло расклад. Рядом с каждым лежал волк крови, массивные звери дремали, но уши поворачивались на каждый звук.

— Вы знаете, что делать. Волков оставьте моей стае, — прошептал я Лане и Стёпе. — Действуете одновременно со зверями. Если упустим — поднимут вой на весь район. Ни-

кого не убиваем, не хотелось бы наломать дров.

Красавчик скрылся за ящиками, используя маскировку запаха. Его силуэт стал почти неразличим даже для меня. Пантера кивнула и растворилась в тенях справа. Стёпа крепче сжал древко копья и двинулся влево, держась вдоль стены ангара.

Горностай создал лёгкую иллюзию — его силуэт пробежал между ящиками метрах в десяти от часовых. Оба наёмника повернули головы на звук, волки подняли морды, пригнувшись.

В этот момент всё произошло одновременно.

Лана нырнула из теней, рукоятка клинка обрушилась на основание черепа первого часового. Тот осел без звука. В тот же миг Актриса появилась над его волком — ветряная рысь вцепилась зверю в холку, прижимая к земле. Её когти замерли в миллиметре от артерии на шее. Хорошая девочка, помнит мои уроки.

Стёпа действовал тяжелее — древко копья придавило второго наёмника к стене, затем последовал точный удар в висок. Человек потерял сознание, но его волк уже рванулся к нападавшему с оскаленной пастью.

Карц растворился в воздухе, превратившись в стремительную огненную стрелу.

Белое пламя со свистом прорезало пространство, и в следующее мгновение лис материализовался прямо на спине волка. Его клыки, окутанные языками белого огня, сомкну-

лись на загривке противника, а лапы с когтями-лезвиями впились в рёбра. Волк завыл от боли и попытался сбросить неожиданного наездника, но Карц держался мёртвой хваткой, его аура пылала такой жарой, что шерсть на шее волка задымилась, а капающая кровь зашипела. Зверь рухнул на землю, прижатый к камням не только весом лиса, но и невыносимым жаром белого пламени.

Отличный новый навык моего огненного бесёнка. Огненная стрела D ранга.

Я подошёл к поверженным часовым, проверил пульс. Живы, просто без сознания.

— Актриса, Карц, — приказал я тихо. — Держите их зверей под контролем. Если попытаются выть или сопротивляться — душите, но не убивайте. Остаётесь здесь на страже.

Ветряная рысь и огненный лис переглянулись и оскалились. Их жертвы поняли расклад сил и замерли под угрозой когтей и пламени.

Вся стычка заняла не больше десяти секунд. Красавчик запрыгнул мне на плечо и обвил шею хвостом.

Ну что, Афина... Будь наготове.

У дверей главного ангара мы заняли позицию в полной боевой готовности.

На мой знак команда одновременно ворвалась внутрь.

Складское помещение оказалось гораздо больше, чем казалось снаружи. Между высокими стеллажами с ящиками и тюками была обустроена настоящая база — несколько кро-

ватей, стол, даже походная кухня. По-хозяйски развалившись на мешках с зерном, отдыхали с полдюжины головорезов. Один лениво перекидывался картами сам с собой, другой точил кинжал о кожаный ремень, третий просто дремал, откинув голову на спинку самодельного кресла.

И в центре этого логова, словно паук в центре паутины, сидел знакомый зверолов.

Он был крупнее, чем я помнил. Широкие плечи, мускулистые руки. На лице — сеть мелких шрамов. При нашем появлении он даже не вздрогнул, лишь медленно поднял голову и усмехнулся.

— А вот и герои-спасители, — протянул он, поднимаясь с места. — Так и знал, что не сможете усидеть дома. Предсказуемо.

В тени у дальней стены неподвижно стояла мрачная фигура в чёрном плаще. Мастер — это было видно по татуировкам на руках. У его ног лежал массивный Болотный Василиск.

***Болотный Василиск.** Уровень — 35. Эволюционный индекс — D.*

Зверь хрипло дышал, но его глаза следили за каждым нашим движением.

А на высоком ящике рядом с Мастером сидел Фукис.

Синий зверёк дрожал всем телом, его большие глаза метались между нами и окружавшими его врагами. На шее зверька я разглядел массивный ошейник из чёрного металла с

вплавленными в него рунами.

— Варон из Северного Королевства, — представился садист, слегка склонив голову в издевательском поклоне. — Думаю, вы обо мне слышали.

Я действительно слышал это имя. Жестокий зверолов, славившийся элитными, но замученными питомцами. Замечен в пристрастии к азартным играм. Точно... Ведь он и Шовчика бил плетью из-за какой-то ставки.

Афина зарычала, готовясь к прыжку. Но Варон спокойно поднял правую руку.

— Не советую, — сказал он, сложив пальцы. — Видите этот славный ошейничек? Один щелчок — и фукис мёртв. Но если сильно хотите, могу развлечься прямо сейчас.

Проклятье.

Я с ножом не успею. Афина не успеет. Никто из нас не успеет. Одно движение пальца — и зверьку конец.

— Афина, стой!

Тигрица замерла в полуприседе, но напряжение в её мышцах никуда не делось. Барут рядом со мной стиснул кулаки.

— Умно, — признал я. — Но зачем весь этот спектакль? Ты же прекрасно знаешь, что, если зверь умрёт — я от тебя живого места не оставлю, мразь.

Варон рассмеялся — неприятный, скрипучий звук.

— А ты сообразительный. Понимаю-понимаю. Но и для вас всё так просто не выйдет, правда? Здесь хватает бойцов, способных оказать вам сопротивление. Я знал, что ты при-

дёшь, Зверолов. Это маниакальное желание «помочь»... Что ж, перейдём к делу. Тысяча золотых будет приятным бонусом. — Он положил руку на фукиса и Барут дёрнулся. — Но в основном я делаю это ради принципа. Никто не смеет унижать меня и оставаться безнаказанным. Никто.

Фукис жалобно пискнул, и Барут попытался ломануться вперёд. Я перехватил его за плечо, удерживая на месте.

— Спокойно, стой на месте, — прошептал ему на ухо.

Пока что инициатива была у Варона. И пока что это его спектакль.

— Отдай Фукиса, — голос Барута дрожал от ненависти. — У нас нет тысячи золотых, но мы можем...

Варон расхохотался, перебивая его.

— Деньги? Ты думаешь, мне нужны ТОЛЬКО твои жалкие деньги, торговец? — Он наклонился вперёд, его лицо исказилось. — Вы унизили меня на улице. Ты, — палец ткнул в мою сторону, — забрал моего пса и выставил меня посмешищем. Весь город шепчется, что Варон испугался какого-то выскочки из леса.

Он медленно поднялся.

— Репутация стоит дороже золота. Ты растоптал мою. Теперь я растопчу твою.

Я сканировал помещение. Атака в лоб — смерть Фукиса. Варон это знал. Он наслаждался ситуацией, как гурман редким вином.

— Чего ты хочешь? — спросил я холодно. — Если не де-

нег, то крови? Мы можем устроить это прямо здесь. Но ты не уйдёшь живым.

— О, я не сомневаюсь, что ты опасен, — кивнул Варон.
— Но я азартный человек. Люблю игры. И я знаю, что у твоего дружка есть слабость к этому синему уродцу. А у тебя... есть кое-что, что мне приглянулось, Рейнджер Драконьего Камня.

Я изучил лица наёмников. Профессионалы. Спокойные движения, оружие в идеальном состоянии. Такие не нанимаются к первому встречному — значит, Варон действительно имеет вес в определённых кругах.

— Долго будешь говорить? Чего тебе надо? — спросил Барут сквозь зубы.

Садист усмехнулся.

— А мне всё ещё надо мне преподать урок одному выскочке. — Его взгляд уперся в меня. — Весь город трещит о каком-то чудо-герое с тигрицей. О том, как он дружит с самим Драконоборцем. О ТОМ КАК УНИЗИЛ ВАРОНА ПРЯМО НА УЛИЦЕ, СУКИН ТЫ СЫН! — Голос сорвался на крик.
— Никто не смеет делать из меня посмешище.

Ну вот. Оскорблённое тщеславие — одна из самых опасных мотиваций. Такие типы готовы на всё, лишь бы восстановить свою репутацию.

— Послушай, — Барут сглотнул и попытался сместить вектор разговора, — у меня нет тысячи золотых. Просто нет таких денег.

— Нет денег? — Варон театрально вздохнул. — Как жалко. Значит, зверёк умрёт.

— Постой! — Барут выставил руку вперёд. — У меня нет столько монет, но есть имущество. Товары, звери в резерве... Дома в нашем королевстве. Всего на две тысячи золотых, может, больше.

Садист прищурился.

— Продолжай.

— У меня есть мой фукис. — Барут говорил быстро, почти захлёбываясь словами. — Я предлагаю состязание. Гонки. Мой фукис против... твоего.

— Не особо я разбираюсь в фукисах, — протянул Варон лениво. — Неинтересно. Я могу потребовать всё прямо сейчас, ты ведь понимаешь?

— Тварь, — прошептал Барут, сжав кулаки.

— Хотя... Гонки говоришь? — садист сделал вид, что задумался. — Звучит любопытно. Интересно. Эй, Кастор, сильно ставят?

— Гонки фукисов редки, по понятным причинам. Так что да, денег можно собрать, — ответил тот, кто точил оружие и усмехнулся. — На таком редком развлечении можно сильно подняться, Варон. Не отказывайся.

— Ну допустим... Кто первым доберётся до финиша — тот и победил. Если выиграет твоя тварь — я отдаю тебе фукиса. Если мой победит — забираю всё твоё имущество.

Барут кивнул, вытирая пот со лба.

— Согласен.

Варон покачал головой с усмешкой.

— Ты думаешь, что это всё? Заболтал меня? Урок тебе и твоему дружку нужно преподать основательный. — Он обвёл нас взглядом. — Раз уж мы играем по-крупному, то ставка должна быть соответствующей.

— У меня больше ничего нет, — хрипло выдавил Барут.

Садист пожал плечами и перевёл взгляд на меня.

— А у твоего друга есть. Звероферма подле Драконьего Камня. Королевский участок. — Варон облизнул губы. — Вот это уже интересная ставка. А ты что думал, можешь забрать моего зверя и остаться в стороне? Ставьте и её. Со всеми зверями!

Мир качнулся. Ферма — это уже давно не просто земля.

— Нет, — встряла Лана. — Королевский надел? Тупица, ты всё равно его не сможешь получить.

— Тогда ВСЕХ зверей с фермы!

В ангаре повисла тишина. Это был «мат». Отказаться — Фукис умрет прямо сейчас.

— Макс... — прошептал Барут. Его лицо было серым. — Не делай этого. Это безумие.

— У нас нет выбора, — тихо ответил я, не сводя глаз с пальцев Варона. — Он не блефует.

— Вот чёрт! Как до этого дошло... Если так, то я не подведу, Макс!

Голос Барута дрожал. В его лице читалось отчаяние чело-

века, готового поставить на кон всё ради жизни друга.

— Послушай, — Лана положила руку мне на спину. — Похоже других вариантов нет.

Я посмотрел на испуганное милое создание в ошейнике. Потом на лицо Барута. Потом на довольную морду Варона.

Все варианты плохие. Но отказ означает смерть Фукиса здесь и сейчас.

Сделал шаг вперед.

— Мы принимаем вызов. Но с одним условием.

Варон приподнял бровь.

— С каким же?

— Гонка будет официальной. Зарегистрированной. Чтобы ты не «забыл» снять ошейник после нашего выигрыша.

— Без проблем! — расхохотался Варон. — Сам хотел предложить! Мы подпишем прямо сейчас. Или я сжимаю кулак, и вы получаете фарш вместо питомца. Тащите бумагу!

Наёмник поставил на стол письменные принадлежности. Садист принялся писать размашистым почерком, время от времени поглядывая на нас с плотоядной усмешкой.

Фукис продолжал дрожать от страха и непонимания. А я понял, что мы только что поставили на карту слишком много.

— Готовьтесь передать мне всё через неделю, ублюдки. — Варон нагло улыбнулся и поставил подпись. — Я обязательно завизирую эту бумагу, чтобы ВСЕ знали!

Он небрежно взмахнул рукой, и из-за ящиков позади вы-

прыгнул ещё один фукис!

Синий зверёк приземлился на плечо хозяина с грацией акробата. Его шерсть переливалась здоровым блеском, а огромные глаза были ясными и уверенными. Этот фукис не дрожал и не прятался — он сидел с достоинством победителя.

— Знакомьтесь, — Варон почесал питомца под подбородком, — Принц. Трёхкратный чемпион Северного королевства. Думали, что вы на шаг впереди? Как же легко было одурачить тебя, торговец.

Принц издал мелодичную трель и повернул голову к дрожащему в клетке Фукису. В его взгляде читалось холодное презрение хищника к добыче.

Я стиснул зубы. Варон, он...

Профессионал.

Ну ничего, я ещё выверну ситуацию в свою пользу, и ты умоешься кровью.

Глава 3

Я не мог пропустить турнир. Слишком многое стояло на кону, но Моран так и не объявился.

Как и Альфа Огня.

Последние дни в моем сознании царил гнетущая тишина. Татуировки на руках больше не жгли. Древний покровитель исчез так же внезапно, как пропадают следы зверей после метели — словно их никогда и не было. И эта пустота давила сильнее любого груза.

Глаза Барута метнулись к арене, где завершался финальный бой первого этапа.

На песке тем временем завершался спектакль.

Боец — кажется, его звали Раннер — стоял над поверженной ледяной пантерой. Бронзовая кожа блестела от пота, каждая мышца играла под светом солнца. Светлые волосы, чуть длиннее чем принято у воинов, развевались ровными прядями, словно он позировал для портретиста прямо посреди боя. Театральность была выверена до последней детали.

Рядом замер его Огненный Лев четвёртой ступени — зверь размером с быка, чья грива горела живыми волнами жара. Пламя текло по его шерсти медленными реками расплавленного золота, оставляя в воздухе мираж дрожащего зноя. Когда лев поворачивал голову, жар прокатывался вол-

нами даже до трибун.

Толпа бесновалась. Тысячи глоток сливались в единый рёв, бивший по барабанным перепонкам. Каменные ступени вибрировали под топотом ног. Пыль поднималась серыми облаками, смешиваясь с запахом того особого привкуса адреналина, который появляется только когда толпа входит в транс насилия.

— Какой красавец! — выдохнула Ника, прижав ладони к покрасневшимся щекам. Её глаза горели восхищением девчонки, впервые увидевшей настоящего героя. Губы были приоткрыты от изумления, дыхание сбилось. — Как он двигается... словно танцует с огнём!

— Танцует... — буркнул Мика, косясь на сестру с плохо скрываемой ревностью. Его челюсти почему-то свело от напряжения. — Это бой насмерть, вообще-то!

— А результат один! — парировала она, не отрывая влюблённого взгляда от арены. Щёки пылали румянцем, в глазах плясали золотые искорки. — Посмотрите на его противников!

Я проследил её взгляд и оценил «работу» бойца профессиональным взглядом.

Труп ледяной пантеры дымился в пяти метрах от золотогривого льва. мех на её боках слипся от запёкшейся крови, но раны говорили о многом.

Слишком аккуратные. Края ровные. Рядом лежал ледяной волк с оторванной головой — шея была перекушена точ-

но в том месте, где сходились главные артерии и нервные узлы. Никаких рваных краёв, никаких следов долгой агонии. Один укус — мгновенная смерть.

Это была работа профессионала, который знает анатомию не хуже мясника.

Я проследил за Раннером.

Высокий блондин в алой тунике, расшитой золотыми нитями, склонился над телом пантеры. Приложил руку к сердцу в театральном жесте почтения и медленно поклонился мёртвому врагу.

Толпа завывала от восторга, девушки принялись махать руками, надеясь привлечь внимание бойца. Его лев величественно прижался боком к хозяину.

Красивая картинка, спору нет.

— Стёпа, — я не поворачивал головы, продолжая сканировать «героя» взглядом охотника. — Что видишь?

— Ноги поставлены правильно, — отозвался копейщик, не отрываясь от методичной полировки щита. Металл блестел, но Стёпа всё равно тёр его с упорством одержимого. — Центр тяжести контролирует, даже когда кланяется публике. Балансировка идеальная. А лев... — он прищурился, изучая зверя внимательнее. — Дышит ртом, высунул язык на ладонь. После такого боя он должен был едва стоять на лапах от усталости, а он свежий как после утренней пробежки.

Я кивнул с одобрением. Друг многому научился под крылом у Драконоборца. Умел видеть детали, которые пропус-

кала восторженная толпа.

— Видел, как он работал с дистанцией? — продолжил копейщик тихим, деловым тоном. — Всё время держал врагов на длине прыжка. Не ближе, не дальше. Заманивал их в атаку, а потом...

— Именно, — подтвердил я, чувствуя горький привкус профессионального признания. — А теперь присмотришься к его дыханию после третьего убийства.

Я следил за Раннером с самого начала схватки. Внешне он действительно вёл себя как павлин в брачный сезон: поклоны через каждые десять секунд, нежные поглаживания огненной гривы своего льва. Публика жрала это шоу как голодные волки — мясо. Женщины визжали от восторга, мужчины рычали одобрение, дети показывали пальцами на «настоящего героя».

Но за маской позёрства скрывался холодный расчёт убийцы.

— Он очень ловко манипулирует врагом через льва. Провоцирует атаку, — продолжил я сухой анализ, наблюдая, как воин снова кланяется трибунам с театральной грацией. — Заставляет врагов поверить, что зверь открыт для удара. Сбивает им темп своей клоунадой, доводит до белого каления. А потом лев наносит точный удар в момент, когда противник теряет контроль.

— Почему цвет огня меняется? — уточнил Мика, не сводя глаза с арены.

— Белое пламя, — уточнил я. — Он меняет температуру в критический момент. Выжигает весь кислород прямо перед мордой противника за долю секунды — тот начинает задыхаться, теряет фокус, и получает удар прямо в сердце или другой жизненно важный орган. Это уже не позёрство. Это очень серьёзный контроль, замаскированный под цирковое представление.

— Самый поганый тип врага, — мрачно добавил копеечник. — Все думают, что дерутся с клоуном, а на самом деле дерутся с хладнокровным убийцей. Таких труднее всего раскусить.

На арене красавец снова поднял руки к небу, принимая оглушающие овации. Его белозубая и широкая улыбка была ослепительной, но глаза оставались холодными. Он медленно сканировал трибуны взглядом матёрого хищника, оценивающего стадо потенциальной добычи. В этом взгляде не было ни капли той тёплой благодарности, которую выказывают настоящие герои.

Он просто любил арену. А скорее даже рёв толпы и признание.

— Раннер! Раннер! Раннер! — скандировала толпа, стуча кулаками по каменным перилам в едином ритме.

— Такой молодой, а уже почти чемпион, — мечтательно вздохнула Ника, сложив руки на груди. В её голосе звучала та особенная мягкость, с которой женщины говорят об объекте своих грёз. — Интересно, у него есть женщина?

Мика поперхнулся собственной слюной и покраснел до корней волос.

— Ника! — зашипел он испуганно, оглядываясь по сторонам. — Ты что говоришь? Люди же слышат!

— А что такого? — Девушка пожалала хрупкими плечами, не сводя влюблённого взгляда с арены. — Просто любопытно. Он такой... героический.

Героический. Я хмыкнул про себя, чувствуя горький привкус иронии. Если бы эта наивная девчонка видела, как этот «принц» методично добивал уже смертельно раненых зверей коротким ударом в основание черепа, чтобы публика не заметила их мучительной агонии.

Впрочем, справедливости ради, это было милосердие. Его лев наносил такие раны, которые гарантированно убивали, но не сразу — в течение нескольких минут болезненной смерти.

А Раннер сокращал страдания.

В этом была своя жестокая честность. Достоинно. Я невольно проникся к человечности позёра.

Раннер двумя руками послал воздушный поцелуй трибунам, и толпа взревела так, что от звуковой волны заложило уши. Каменные стены амфитеатра отражали рёв, усиливая его в несколько раз.

Пока толпа орала от экстаза, зрелище продолжалось. Боец вдруг поднял руку и указал пальцем в сторону трибун. Его взгляд метнулся по рядам как прожектор и замер на нашей

группе — точнее, на Нике.

— Эта победа посвящается несравненной красоте! — громогласно выкрикнул он. Голос звучал как трубный глас, разносясь до самых дальних рядов. — Пусть прекрасные дамы знают — их лик вдохновляет воинов на подвиги во славу Короны!

Вокруг нас тут же поднялся восторженный щебет девичьих голосов:

— О боже, какой красавчик!

— Вот это торс! А мускулы!

— Смотрите, как ловко двигается!

— А глаза какие голубые! Я бы с таким не только потанцевала...

— Он же на меня смотрел! Я видела!

Ника лишь зарделась и смущённо уставилась в пол. Девчонка совсем не ожидала такого внимания.

Я воспользовался хаосом трибун для более важного дела.

— Собирайтесь ближе, — негромко сказал я команде, используя рёв толпы как прикрытие.

Барут подсел на соседнюю скамью. Стёпа наклонился, прикрываясь полированным щитом от любопытных взглядов. Мика придвинулся ближе, всё ещё поглядывая на арену краем глаза.

— То, что мы нашли в лесу этой ночью — не просто мутант, — начал я тихо, но отчётливо. — Это биологический конструктор. И, судя по всему, мы крупно опоздали.

Ника растерянно уставилась на меня.

— То есть?

— Режиссёр сходил с ума в лесу, — Я выдохнул. — он принимал труп того мутанта за родственника. За кровную семью. Можете такое представить? Древняя, умнейшая рысь, Альфа Ветра, ведётся на подделку как щенок на приманку.

Стёпа нахмурился, его массивные брови сошлись к переносице.

— И зачем это друидам?

— Сердце Крови, которое мы извлекли из того монстра — редчайший реагент, — объяснил я, следя за тем, чтобы нас не слышали. — Но главное не в трофее. Главное в том, что для создания такой убедительной подделки, способной обмануть даже Альфу, нужен доступ к оригиналу. К живому образцу.

Понимание медленно проступало на лицах друзей.

— Они УЖЕ поймали Альфу Жизни, — продолжил я, произнося главную страшную истину. — Используют её для создания псевдо-Альфы. Именно поэтому им больше не нужны оригинальные ключи.

— Но даже если так, — задумался Стёпка. — Им нужен доступ к оригиналу. Невозможно создать разные стихии из одной Альфы Жизни, так?

— Да, тоже так думаю. Поэтому и не выпускаю Режиссёра лишний раз из ядра.

Мика побледнел до синевы губ.

— Но значит, тот след Жизни на мне...

— Значит, что это может быть что угодно, — отрезал я, глядя на толпу, где продолжалось массовое помешательство. — И когда угодно. Враг ближе, чем мы думали.

— Но Морана здесь нет, — протянул Стёпка.

Внезапно рёв трибун изменил тональность. Восторженные крики сменились гулом возмущения, смешанного с нездоровым любопытством. Толпа почуяла новую кровь.

На арене разворачивалась новая драма. Раннер со своим огненным львом стоял в центре песка, но теперь его поза была расслабленной, почти пренебрежительной. Одна рука лениво опиралась на бедро. Напротив него тяжело дышал боец среднего роста — крепкий мужчина лет тридцати с татуировками зверолова на предплечьях. Рядом кружил его тёмной волк.

— Что там происходит? — спросила Ника, поворачивая голову.

Мы отвлеклись.

Издавательский голос Раннера разносился по амфитеатру:

— Серьёзно? — он театрально развёл руками. — Вот это ты называешь атакой? Я видел щенков поагрессивнее. — Красавец зевнул, прикрывая рот тыльной стороной ладони. — Мой лев едва проснулся от дрёмы. Может, попросишь передышку? Отдохнёшь немного? Или тебе принести стул?

Лицо противника наливалось кровью от унижения. Вены на шее вздулись синими жгутами. Его волк нервно кружил, чувствуя ярость хозяина и не понимая, в чём причина.

— Или вот что, — продолжал Раннер, небрежно поправляя светлые волосы, словно стоял перед зеркалом в спальне. — Давай я дам тебе фору? Мой лев будет сражаться без стихийной магии. Только когтями и зубами. Сможешь справиться хотя бы так? А то мне стыдно перед зрителями — такой слабый противник. Они же за зрелище платили.

Толпа разноголосо зашумела. Одни смеялись над удачными колкостями, другие возмущались подобным неспортивным поведением. Но все слушали затаив дыхание.

— Заткнись! — рявкнул боец, его голос сорвался от напряжения.

— О! Оно говорит! — Раннер хлопнул в ладоши. — А я уж думал, ты немой. Или, может быть, ты просто слишком тупой для разговора? Тогда объясни мне, братец, — зачем ты вообще сюда пришёл? За зрелищем? Так садись на трибуны, не мешай настоящим бойцам работать.

Я видел, как дрожат руки противника. Кулаки сжимались и разжимались в бесполезной ярости. Парень был на грани нервного срыва, готов совершить роковую ошибку.

— Грязная тактика, — констатировал Стёпа с профессиональным интересом. — Умышленно доводит до бешенства.

— Эффективная, — поправил я, наблюдая за развитием ситуации. — Ещё чуть-чуть и он сорвётся и нарушит прави-

ла. А если сорвётся — то куда уж ему выдержать то, что будет дальше? Естественный отбор.

Предсказание оправдалось быстрее, чем я ожидал.

Боец не выдержал. Он отдал волку команду броситься прямо на самого Раннера, нарушив главное правило турнира.

Арена взорвалась свистом и воем негодования. Люди вскочили с мест, размахивая руками.

— Дисквалификация! — заорал распорядитель турнира. Его голос прокатился по трибунам металлическим эхом. — Атака на Зверолова запрещена правилами турнира Четырёх Корон!

Раннер даже не пошевелился, оставаясь стоять в той же расслабленной позе. Только улыбка стала ещё шире. Его лев одним ленивым движением лапы смёл нападающего в сторону, но не убил — просто отбросил, как надоевшую игрушку.

— Ой-ой-ой, — протянул позёр с притворным сочувствием, качая головой. — Кто-то не знает правил турнира. Как неловко получается. Может, в следующий раз сначала попросишь мамочку тебе всё объяснить?

Дисквалифицированного бойца уже уводила стража, волоча его под руки. А Раннер принимал овации части публики, наслаждаясь смесью восторга и возмущения. Другая часть освистывала его за подлое поведение, но это его явно только забавляло.

— Ну и кто его осудит? — спросил я у команды. — Он

устранил противника, даже не вспотев. Довёл до нервного срыва острыми насмешками, спровоцировал нарушение правил, и тот сам себя исключил из турнира. Чистая психология.

— Грязно, — поморщился Мика с отвращением честного человека.

— Нет, Мика, ты забыл о том, что Раннер только что сохранил жизнь одному зверю, — не согласился Стёпа. — Учись читать между строк.

— Вот блин. И правда, — ошарашенно выдохнул лекарь.

— Запомните этого типа, — повторил я серьёзно. — Думаю, он точно пройдёт второй этап.

Всё это время Барут словно не слышал нас и лишь изредка кивал.

Торговец сидел неподвижно, словно каменное изваяние, уставившись в одну точку пустым взглядом. Он пропустил всё: и анализ боя, и мою информацию про пленную Альфу, и актёрство Раннера. В его зрачках отражался не песок арены с пятнами крови, а ошейник Фукиса. Кисти рук безжизненно лежали на коленях, словно отрубленные. Плечи осели под невидимой тяжестью.

Я знал этот взгляд.

Жалость — это яд медленного действия. Жалость убивает волю к сопротивлению быстрее любого зелья. Она превращает мужчин в нытиков, а воинов в жертв. И я не собирался позволять ей уничтожить одного из друзей.

Я не стал класть руку ему на плечо в утешение.

Вместо этого больно, почти жестоко ткнул его локтем в рёбра, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Хватит переживать, всё будет нормально. Лучше посмотри-ка на него! — резко сказал я, кивком указывая на Раннера, который уже издевался над следующим противником.

Торговец медленно повернул ко мне лицо. Кожа на острых скулах натянулась, губы были бескровными и сжатыми в тонкую линию. Он выглядел как человек, которого три дня держали в подвале без еды и воды.

— Что? — голос звучал глухо, как стук земли о крышку гроба.

— Раннер. Посмотри на него внимательно.

— Зачем мне на него смотреть? — в голосе Барута звучала безнадежная апатия. — Какая разница, что там происходит? Какая вообще разница?

Внизу Раннер хлопал в ладоши, подзадоривая толпу новой порцией издевательств. Его лев играл с очередным противником, как кошка с полуживой мышью. Зрители ревели от восторга, упиваясь красивой жестокостью. Кровавый цирк в самом разгаре.

— Он ведёт себя точно так же, как Варон, — я говорил тихо, но каждое слово вбивал в сознание друга как гвоздь молотком. — Самоуверенный парень. Считает себя королём арены. Думает, что контролирует каждый вздох противника,

каждую их мысль, потому что у него сильный зверь и огромный опыт. Он имеет на это право, но как ты думаешь... Я должен ему проиграть?

В потухших глазах Барута мелькнула слабая искра. Имя врага действовало лучше любого зелья бодрости. Кулаки почти незаметно напряглись.

— Варон показал своего Принца, показал нам все карты заранее, — продолжил я, не давая ему снова провалиться в яму отчаяния. — Он уверен, что мы — просто мусор под его ногами, навоз на дороге. Ничтожества, которые будут сидеть, ныть и совершать глупые ошибки.

Я почувствовал, как воздух между нами начинает накаляться от внутреннего напряжения. Барут медленно распрямился, словно стальная пружина, которую долго сжимали и наконец отпустили. Дыхание участилось. Я наклонился к самому его уху, чувствуя, как от него исходит горячее дыхание.

— Но вот в чём разница, — прошептал я. — Раннер побеждает, потому что он профессионал высочайшего класса, который притворяется клоуном для публики. А Варон — это просто клоун, который возомнил себя профессионалом. Чувствуешь разницу?

Барут медленно моргнул, словно просыпаясь после долгого кошмара. Вены на шее вздулись. Дыхание стало прерывистым, но уже от ярости, которая начинала закипать в груди.

— У него мой Фукис... — хрипло выдавил он.

— И мы его вернём, — сказал я твёрдо, глядя на арену,

где Раннер добивал очередного подранка под одобрителный рёв обезумевшей толпы. — Мы разденем этого ублюдка Варона догола. Унизим его перед всем городом. Заберём всё, что у него есть, включая гордость, по тем самым законам, которые он сам нам и предложил. — Я повернулся к нему лицом, глядя прямо в глаза. — Ты готов перестать быть жертвой, Барут? Сейчас тот самый миг в твоей жизни, когда ты должен определиться, можешь ли ты двигаться дальше, дружище. Дальше будет ещё сложнее. Грядёт Прилив.

Секунда тишины, наполненной рёвом толпы и стуком собственного сердца. Две секунды. Барут сделал глубокий вдох полной грудью. Спина медленно выпрямилась. Плечи расправились, грудь расширилась. Челюсти сжались в твёрдую, решительную линию.

В лице торговца вернулись живые краски, словно кровь наконец потекла по обескровленным жилам. Серая маска безнадёжности слетела, обнажив готового к бою человека.

— Ты действительно думаешь, у нас получится? Что Лана справилась? — в его голосе звучала уже не мольба о утешении, а требование честного ответа.

— Варон совершил главную ошибку любого игрока, — я усмехнулся, глядя, как внизу остановили бой. Тридцать два человека прошли во второй этап. — Он раскрыл все карты до начала игры. А что, неужели ты не веришь в нашу пантеру и Красавчика?

Барут молча кивнул, в его взгляде впервые за весь день

горел холодный расчёт профессионала, который видит слабое место противника. Торговец, которого я знал и уважал, наконец вернулся.

— Тогда давай готовиться к гонкам как следует, — он встал с каменной трибуны, чувствуя, как командный дух наконец сплачивает нас в единый кулак. — Заберём моего фукиса. Я сыграю на его же гордости и тщеславии.

— Те слова, которые ты и должен был сказать. Да, пойдём. Прямо сейчас, — на этот раз я хлопнул парня по плечу. — Пошли, торгош. Всё получится.

Молчание, которое давило на нашу команду тяжелее рёва тысяч обезумевших глоток, наконец отступило.

План созрел, цель была ясна как днём, команда собрана и готова. Остальное — дело техники, подготовки и, конечно, удачи. Но удача, как я давно знал, всегда любит тех, кто к ней готовится.

Время пустых разговоров действительно закончилось. Лана и Красавчик не ушли вместе с нами с того склада. Именно поэтому сейчас их не было на арене.

Глава 4

...Той ночью.

Когда команда вышла из ангара Варона, Максим молча шагнул к Лане. Остальные уже двигались прочь — Стёпа прикрывал тыл, Барут шёл на автомате, держась за подписанную бумагу обеими руками, словно она могла вырваться и улететь.

— ..., а утром позовёшь его на площадь. Лана, боюсь в этот раз придётся положиться на вас двоих. Толпа только навредит, а впереди арена. Ты и Красавчик мои лучшие разведчики. — закончил Макс.

Лана кивнула. Её золотистые глаза горели ровным хищным светом даже в темноте.

— Принц, — тихо повторила она. — Ты абсолютно уверен, что он всегда держит его при себе?

— Наверняка, я же говорю, увидел переноску. Такой зверь стоит больше, чем все наёмники Варона вместе взятые. Так или иначе, разберётесь на месте. Красавчик поможет и проследит. Но будь внимательна, Варон параноик. Не относись к нему свысока.

Максим огляделся — переулочек был пуст, но привычка говорить тихо в таких местах въелась в кости. Он наклонился к её уху, и Лана почувствовала запах пепла, который всегда шёл от него. Такой опасный и... почти родной. Он больше

никогда не покидал его после той битвы с Радонежем.

— Нужно лишить его козыря до начала гонки. Обязательно.

Лана тонко усмехнулась — лишь уголками губ. За двести лет жизни она повидала немало самоуверенных мужчин, как Варон. Большинство из них плохо заканчивали.

Максим задержал на ней взгляд.

— Справишься?

Вопрос был пустой формальностью — они оба это знали. Лана качнула головой с ленивой уверенностью кошки, которая давно решила, когда именно поймает мышь.

— Иди. Мне нужно найти крысу.

Команда растворилась в ночи. Последним мелькнул Барут — его ссутуленная фигура скрылась за поворотом. А Лана осталась стоять в тени заброшенного причала, слушая, как затихают шаги.

Тишина.

И далёкий плеск волн о гнилые сваи.

На её плече шевельнулся Красавчик.

Горностаи поднял узкую мордочку, принюхиваясь к ночному воздуху. Его чёрные глазки-бусины блеснули в лунном свете — они были лишены той суетливости, которая бывает у мелких зверей.

— Работаем, дружок, — тихо сказала Лана. — Ты знаешь, что делать.

Зверёк соскользнул с её плеча и беззвучно канул в темно-

ту между досками причала.

Первым делом — крыса.

Лана нашла её в портовой канаве, за грудой гниющих сетей. Здоровенная тварь размером с котёнка, с облезлым хвостом и гноящимся глазом. Обычная портовая крыса, привыкшая жрать отбросы и драться с чайками за тухлую рыбу.

Зверёк зашипел, когда Лана склонилась над ним, и попятился, скаля жёлтые резцы.

Лана просто посмотрела на неё с первобытным доминированием хищника над добычей. То, что заложено на уровне крови и костного мозга. Двухсотлетняя пантера, способная разорвать медведя, смотрела на портовую крысу.

Что-то древнее вырвалось в воздух, и крыса обмякла.

Лапки подогнулись, тело прижалось к мокрому камню, усы перестали дрожать. Глаза остекленели. Инстинкт подчинения сработал безотказно. Перед ней стояла сила, которой нельзя сопротивляться. Можно только замереть и надеяться, что тебя не заметят.

Лана подняла обездвиженную крысу за шкурку. Та даже не пискнула — просто висела в её пальцах, как тряпичная кукла, с полуприкрытыми мутными глазами.

Ни жива, ни мертва — идеально.

Лана сунула добычу в холщовый мешочек, затянула горловину и привязала к поясу.

Первый этап завершён.

Красавчик вернулся через четверть часа. Горностаи вы-

нырнул из тени портового ограждения и замер у ног Ланы, подрагивая кончиком хвоста.

— Проследил?

Красавчик метнулся вперёд и остановился, оглянувшись. Направление — к богатым кварталам.

Лана двинулась за ним.

Она не торопилась. Ночь была длинной, а спешка — враг любой охоты. Максим повторял это так часто, что слова въелись в подкорку, хотя Лана знала эту истину задолго до его рождения. Просто он формулировал правильно — как человек, который прожил целую жизнь и выучил её уроки до последней буквы. Удивительный человек, не похожий ни на кого.

Таких она никогда не встречала, а потому тянуло. И это немного раздражало.

Они тенями двигались по ночному городу — Красавчик впереди, Лана в десяти шагах позади. Горноста́й вёл уверенно, иногда замирая на перекрёстках, чтобы поймать нужную нить запаха среди тысяч городских ароматов. Его нос был точнее даже её нюха — девушка давно привыкла доверять зверьку и подкармливала, пока Макс не видел. Красавчик ценил.

Запах Варона — пот и кислота жжёного табака. Запах его наёмников — кожа, оружейное масло, дешёвая еда. И где-то в этом клубке — специфический аромат, который выдавали только такие редкие зверьки как фуки́с.

Красавчик вёл именно по нему.

Лана между тем считывала город по-своему. Обоняние оборотня работало иначе, чем у горностая — грубее, но шире. Она чувствовала людей за стенами домов. Различала запахи еды, стирки, вина и болезни. Ночной Оплот Ветров вошёл густой и избыточной жизнью.

Они углубились в северные кварталы, где дома стали выше, улицы шире, а фонари — ярче. Здесь пахло уже иначе: цветочной водой, жареным мясом и дорогим деревом. Район состоятельных гостей. Те, кто приехал на турнир с полными кошельками и привычкой к роскоши.

Красавчик замер у перекрёстка, ведущего к двухэтажному каменному дому с крытой черепицей крышей. Элитные апартаменты — из тех, что сдаются за хорошие деньги. Кованая ограда, ухоженный двор, факелы у парадного входа. Два охранника у дверей — те самые наёмники, что были на складах. Их волков не было видно, но запах зверей доносился из-за дома.

Горностай обернулся к Лане и дёрнул ухом.

Девушка присела на корточки, изучая обстановку из тени каменной стены напротив. Два этажа. Окна второго закрыты ставнями. Черепичная крыша с широким карнизом. Водосточная труба по левому углу.

Проблема — охрана. Двое у входа не вопрос. Но внутри могут быть ещё. Запахи путались — слишком много людей и следов. Да и силой не пойти — весь план насмарку.

Лана обошла квартал. С тыльной стороны дома обнаружилось узкое окно первого этажа — судя по запаху, кухня. Закрыто изнутри на щеколду. На втором этаже — широкое окно со ставнями.

Она вернулась к Красавчику и опустилась на колено рядом с ним.

— Охрану внутри чуешь?

Красавчик приняхался, переступая лапками. Повёл носом к первому этажу.

Лана кивнула. Охрана на первом этаже, Варон и Принц — на втором.

— Заходи через кухню, — прошептала она горностаю. — Щеколда. Справишься.

Красавчик фыркнул. Обиделся. Щеколда — для него это был уровень детской задачи.

— Осматриваешь первый этаж. Если охрана бодрствует — отвлекаешь и поднимаешься наверх. Окно второго этажа — открываешь мне. Я уже буду там.

Горностай мотнул головой.

— Запах спрячь, дурачок, — добавила Лана.

Красавчик замер на мгновение, и пантера почувствовала, как исчезает его звериный мускус. Для любого носа он теперь был невидимкой.

Горностай скользнул к стене дома и в три движения взлетел по кладке. Его гибкое тело просочилось в щель между ставнями кухонного окна. Было в этом что-то завораживаю-

щее. Как белая молния, которая не оставляет следа.

Лана отступила в тень и начала подъём с другой стороны. Водосточная труба хрипнула под её весом, но выдержала. Пальцы нашли стыки кладки, носки сапог — выступы карниза. Двести лет жизни научили многому. В том числе — лазить по стенам тихо, как ящерица.

Она замерла на крыше, распластавшись на черепице. Внизу, через стену, глухо бубнили голоса.

Красавчик работал.

Горноста́й спрыгнул с подоконника на кухонный стол, приземлившись на подушечки лап без единого звука, и замер. Из соседней комнаты доносились голоса — двое, нет, трое мужчин. Шлепки карт о дерево, звон монет, приглушённый смех.

Играют. Хорошо.

Зверёк спрыгнул со стола и проскользил вдоль стены, прижимаясь к полу. В лунном свете из окна мелькнула белая полоска — и тут же пропала. Красавчик двигался рывками, замирая в тенях.

У дверного проёма он остановился и осторожно высунул мордочку.

Комната. Стол с картами и горкой медяков. Три наёмника — двое сидят, один полулежит на лавке у стены, свесив руку с кружкой. Волки крови лежали у двери, ведущей к лестнице. Спали, положив головы на лапы, но уши чутко поворачи-

чивались к каждому шороху.

Пройти мимо них незаметно, даже с замаскированным запахом, было рискованно. Волки крови реагировали не только на нюх. Инстинкты хищника не обманешь одним лишь отсутствием запаха.

Красавчик принял решение за долю секунды и спрятался за дверь.

Затем сконцентрировался, и в дальнем углу комнаты, за спинами игроков, мелькнула маленькая тень. Призрачная копия с характерным шорохом скользнула между ножками стула.

Один из волков поднял голову.

Иллюзия метнулась к дверному проёму, ведущему на кухню.

Второй волк вскочил. Охотничий инстинкт толкнул его вперёд. Иллюзия юркнула за угол. Волк рванул следом, царапая когтями каменный пол.

— Эй! — гаркнул один из наёмников, оборачиваясь. — Куда, дурак?! Сидеть!

Но второй волк уже нёсся за первым, и оба скрылись на кухне. Звук падающей посуды, скрежет когтей, короткий рык — звери гонялись за призраком, который вёл их подальше от лестницы.

— Чёрт, крыса что ли забежала?! — второй наёмник поднялся из-за стола. — Дюк, иди глянь, пока эти дурни всю кухню не разнесли.

— Сам иди.

— Пошёл ты. Твоя очередь.

Двое наёмников ушли на кухню. Третий остался за столом, лениво перекладывая карты и прислушиваясь к возне.

Красавчик не стал ждать.

Белая молния метнулась через комнату, мимо пустого места, где лежали волки. Лестница. Деревянные ступени, покрытые ковром — хорошо, ковёр глушит звук. Горноста́й взлетел наверх за четыре прыжка.

Второй этаж.

Коридор. Две двери. Из-за левой — тяжёлое дыхание спящего человека и густой запах того самого гада, которого невзлюбил вожак.

Варон. А ещё слабый, едва уловимый запах фукиса.

Из-за правой — ничего. Пустая комната? Нет. Красавчик прижался к щели под дверью и втянул воздух. Ещё один фукис.

Куда же бежать?

Красавчик замер и снова принюхался. Почувствовал справа ещё один запах — металл, замкнутое пространство.

Переноска.

Горноста́й проскользнул под дверью — щель была достаточно широкой для его обтекаемого тела. Внутри — небольшая комната, очевидно, гостевая. У стены стояла массивная переноска из тёмного дерева и металлических скоб. Закрытые глухие стенки, ни единой щели для звука. Магическая

звукоизоляция — стандартное оборудование для перевозки ценных зверей. Внутри не слышно ничего, снаружи — тем более.

Красавчик подбежал к окну. Тяжёлые ставни были закрыты на железную задвижку — простой засов. Горноста́й встал на задние лапы, упёрся передними в металлическую пластину и толкнул. Задвижка поддалась с тихим скрежетом. Зверёк слегка толкнул ставню мордой, и в комнату хлынул ночной воздух.

Лана была уже на карнизе — и сразу же остановила эту ставню рукой.

Опыт подсказывал — если путь выглядит открытым, значит, ты чего-то не видишь. Варон был садистом и подонком, но дураком точно не был. Человек, который путешествует с ценным чемпионом, должен беречь его. Обязательно.

Лана медленно провела пальцами по раме ставен, ощупывая дерево сантиметр за сантиметром. Лунный свет едва проникал в щель, но её пальцы видели лучше глаз.

Есть.

Почти невидимая тонкая проволока была натянута поперёк оконного проёма на высоте колена. Один конец крепился к раме изнутри, другой уходил куда-то вглубь комнаты.

Лана проследила проволоку пальцами до крепления. Простая механика — натяжение удерживало маленький грузик на полке у стены. Зацепи проволоку, грузик падает, бьёт по

жестяной миске. Звук разносится по всему дому. Именно то, что поставил бы параноик.

Лана усмехнулась.

Она осторожно сняла проволоку с крепления на раме. Грузик остался на полке.

Теперь — внутрь.

Лана перетекла через подоконник одним текучим движением. Сапоги коснулись пола без единого звука. Золотистые глаза мгновенно адаптировались к полумраку.

Красавчик у основания переноски выжидательно поглядывал снизу вверх.

Лана прислушалась. За стеной — мерный храп Варона. Внизу — приглушённая ругань наёмников, загоняющих волков обратно на место. Иллюзия Красавчика давно растворилась, но звери всё ещё нервничали, принюхиваясь.

Времени достаточно.

Лана опустилась на колени перед переноской. Замок простой — поворотная задвижка с магической печатью. Печать гудела ровным гулом, создавая барьер для звука. Всё, что происходило внутри, оставалось внутри.

Она осторожно сдвинула задвижку.

Внутри, свернувшись в тугой клубок на мягкой подстилке, спал Принц.

Лана задержала дыхание.

Фукис был чуть крупнее, чем зверёк Барута, и явно ухоженнее — шерсть переливалась синим блеском даже в тем-

ноте. Огромные глаза были закрыты, маленькое тельце мерно вздымалось от дыхания.

Трёхкратный чемпион Северного Королевства спал, не подозревая, что наступающий день заставит его изрядно понервничать.

Лана протянула руки. Движения были мягкими — пальцы скользнули под тёплое тельце и аккуратно подняли его. Принц шевельнулся, издал сонный тихий звук, похожий на птичью трель, и открыл один глаз. Огромный, мутный от сна зрачок уставился на незнакомое лицо. Маленькое тело напруглось.

Лана прижала его к груди и замерла.

Это было похоже на то, что она проделала с крысой — и одновременно совсем другое. С крысой она надавила, вбивая волю хищника в мозг добычи. Сейчас же девушка сделала обратное. Пантера внутри опустила голову, прикрыла глаза и замурлыкала.

Передала ощущение. Тепло, исходящее от кожи, от дыхания, от самой крови. То, что кошка излучает, когда вылизывает чужого котёнка, принимая его за своего. Древний сигнал, вшитый в плоть любого зверя: ты в безопасности, ты под защитой, спи.

Принц дрогнул. Напряжение ушло из маленького тела так же быстро, как пришло. Зверёк моргнул, закрыл глаз и уткнулся мордочкой Лане в ключицу. Сердце, на секунду заколотившееся быстрее, снова замедлилось.

Лана почувствовала укол чего-то, чему не сразу нашла название. Этот зверь — гордость Варона, и... мгновенно потянулся к чужому теплу, как будто собственный хозяин никогда ему такого не давал.

Наверное, и правда не давал.

Лана развязала холщовый мешочек на поясе и извлекла крысу. Тварь по-прежнему не подавала признаков жизни — обмякшая, с полужакрытыми глазами, парализованная аурой хищника. Лана положила крысу на подстилку.

Получилось паршиво. Облезлый хвост, гноящийся глаз, жёлтые зубы — ничего общего с серебристым красавцем. Но внутри закрытой переноски, в темноте, за звукоизолирующей — Варону придётся открыть и заглянуть, чтобы заметить разницу. А он не заглянет. Зачем проверять то, в чём уверен? Этот хлыщ считал, что он самый умный. Тем более, когда будет собираться второпях.

Лана улыбнулась и закрыла дверцу. Задвижка встала на место с мягким щелчком. Магическая печать снова загудела, запечатывая содержимое в коконе тишины.

Красавчик одобрительно дёрнул хвостом.

Лана завернула спящего Принца в мягкую ткань, извлечённую из-за пазухи, и убрала свёрток под куртку, прижав к телу. Маленькое сердце стучало у неё на груди.

Она шагнула к окну и на мгновение обернулась. Комната выглядела нетронутой. Переноска на месте, дверца закрыта, замок защёлкнут. Ничего не сдвинуто, ничего не нарушено.

Осталось выбратья и дело сделано.

И тут за стеной скрипнула кровать.

Лана замерла. Всё тело превратилось в камень. Пантера внутри прижала уши и оскалилась.

Тяжёлый скрип половиц. Босые, грузные шаги. Человек, который встал среди ночи и ещё не до конца проснулся. Шаги двинулись к двери.

К этой двери!

Лана метнулась к окну. Одно движение — перетекла через подоконник на карниз, прижала Принца к груди и распласталась по стене, вжимаясь в камень. Ночной ветер ударил в лицо, и она стиснула зубы, чтобы не выдохнуть слишком громко.

Красавчик остался внутри.

Горностай стоял посреди комнаты, и его чёрные глазки метнулись от окна к двери. Ставни были распахнуты. Если Варон войдёт и увидит открытое окно, открытые ставни — он поймёт. Может, не сразу. Может, не всё. Но зерно подозрения упадёт в его параноидальную голову, и прорастёт в уверенность.

Шаги за дверью. Скрип дверной ручки.

Красавчик метнулся к окну, вскочил на подоконник, упёрся лапками в створку ставен и толкнул. Тяжёлое дерево медленно поехало навстречу. Слишком медленно! Умный зверёк упёрся всем телом, задние лапки скребли по подоконнику.

Дверная ручка повернулась.

Ставни сомкнулись. Красавчик соскочил с подоконника, метнулся к задвижке и ударил по ней обеими передними лапами. Железная пластина скрежетнула в пазах и встала на место с тихим щелчком.

Дверь открылась.

Красавчик нырнул за массивную ножку шкафа у стены. Он замер, вжавшись в пол и растворяясь в тени. Запах замаскирован, тело неподвижно, дыхание подавлено. Маленький белый зверёк превратился в ещё одну тень среди теней.

Варон стоял в дверном проёме.

Волосы всклокочены, глаза, припухшие от сна, но взгляд уже цепкий, настороженный. Параноик просыпается быстрее обычных людей.

Он медленно обвёл комнату взглядом. Лана по ту сторону ставен перестала дышать.

Варон подошёл к переноске и наклонился. Провёл пальцами по магической печати — та загудела ровным гулом, откликаясь на прикосновение хозяина. Дёрнул дверцу...

Заперта. Звукоизоляция работала исправно — ни звука изнутри, ни звука снаружи.

Он выпрямился, повернулся к окну и прошёл два шага. Красавчик за ножкой шкафа видел его босые ступни совсем близко — и дёрнул ставни. Закрыты. Задвижка на месте.

Варон постоял ещё несколько секунд, прислушиваясь. Потом его взгляд скользнул по стене и добрался до полки.

Красавчик перестал дышать.

Маленький свинцовый цилиндр стоял на краю полки рядом с жестяной миской — всё на месте. Но проволока, которая должна была тянуться от него к оконной раме — проволоки не было.

Варон прищурился. Сделал шаг к полке. Рука потянулась к грузику.

Внизу загрохотало. Звон посуды, ругань, сдавленный рык — один из волков снова сорвался с места, и наёмник с грохотом опрокинул лавку, пытаясь его удержать.

— Да какого!.. — рявкнул кто-то снизу. — Кастор, помоги! Он опять на кухню рвётся!

Варон дёрнулся на звук. Рука замерла в воздухе, не дотянувшись до полки.

— Чёртовы псы, — пробормотал он. Раздражение перевесило подозрение. — Так вот, кто разбудил. Уроды, скоро параноика из меня сделаете.

Он развернулся и вышел.

Красавчик не двигался ещё целую минуту. Потом осторожно высунул мордочку из-за ножки шкафа, повёл носом. Запах Варона удалялся. Дыхание за стеной выровнялось.

Лана тем временем спустилась по трубе, придерживая Принца одной рукой. Труба снова хрипнула, но выдержала — старая кладка и ржавый металл были единственными союзниками этой ночью.

Горностаи выскользнул из укрытия и бесшумно скользнул

к двери.

Лестница. Наёмники решили покормить волков. Отлично!

Красавчик проскользнул, прижимаясь к стене, и выбрался через кухонное окно.

Свобода!

Лана ждала его на земле, у стены дома, в густой тени каменной ограды. Принц спал у неё под курткой, и его маленькое тело грело рёбра. Когда Красавчик выскочил из кухонного окна и метнулся к ней по мостовой, Лана подставила ладонь, и горноста́й вскочил на неё, взбежал по руке на плечо и ткнулся мордочкой в щёку.

Девушка почувствовала, как он дрожит. Малыш перенервничал.

— Умница, — прошептала она и прижалась щекой к его тёплому боку. — Умница, дружок. Лучше бы никто не делал.

Горноста́й фыркнул и спрятал мордочку ей в волосы.

Они двинулись прочь. Лана не оглядывалась. Незачем. Ставни закрыты, засов задвинут, переноска на месте. К утру Варон забудет, что вообще вставал.

Принц спал у неё на груди, и его сердце стучало быстро-быстро, как маленький тёплый метроном.

Утро пришло с криками чаек и грохотом телег на мостовой. Никого из команды дома уже не было.

Лана успела запереть Принца в одной из комнат, оставила с ним Красавчика и немного вздремнула.

А затем вернулась к дому Варона, когда солнце уже стояло над крышами. Она шла открыто — по улице, при свете дня, не скрываясь. Другая одежда — чистая тёмная рубашка, пояс с клинком, волосы собраны в тугий хвост. Выглядела как опасная, красивая женщина, которую лучше не задевать.

У парадного входа стояли уже другие охранники — утренняя смена. При виде Ланы оба подобрались. Золотистые глаза и кошачья грация заставляли людей нервничать.

— Мне нужен Варон, — сказала Лана спокойно.

— Хозяин не принимает, — ответил тот, что покрупнее, но в его голосе не было твёрдости. Глаза скользнули по её фигуре, задержались на поясе с клинком и вернулись к лицу.

— Скажи ему, что я от Барута.

Наёмники переглянулись. Один ушёл внутрь. Через минуту вернулся и молча отступил, открывая проход.

Лана вошла.

На первом этаже за столом сидел один из мастеров и жевал хлеб, ещё один дремал на лавке.

По лестнице спустился Варон.

Садист выглядел мятым и заспанным. Но при виде Ланы его лицо мгновенно ожило. Тонкие губы растянулись в ухмылке, глаза цепко ощупали её с головы до ног — оценивающе, по-хозяйски, как покупатель на невольничьем рынке.

— Ну-ну-ну, — протянул он, остановившись на послед-

ней ступеньке. Опёрся плечом о перила. — Какие гости. Тор-
гаш прислал красотку?

— Не прислал. Сама пришла.

— Ещё лучше.

Варон спустился, подошёл ближе. От него несло кислым
запахом вчерашнего вина. Он остановился в шаге от неё —
нарочито близко, вторгаясь в личное пространство. Провер-
ял реакцию.

Лана не отступила. Даже не моргнула.

— Мы хотели бы обсудить условия, — сказала она ров-
ным тоном. — Через полчаса, у ратуши. Максим считает, что
тебе понравится то, что мы предложим.

— Понравится? — Варон хохотнул и наклонился к ней,
понижая голос до интимного полушёпота. Его глаза скольз-
нули по шее Ланы, по ключицам, задержались на губах. —
А знаешь, что мне уже нравится? Вот прямо сейчас?

Лана ощутила, как внутри шевельнулось что-то древнее и
тяжёлое. Зверь под кожей качнул головой, открыл один глаз
и лениво оскалился. Одно движение, один удар, и этот само-
довольный кусок мяса перестал бы существовать.

Девушка мягко улыбнулась.

Так улыбаются женщины, которые знают свою цену и не
опускаются до ярости. За этой улыбкой Варон не разглядел
ни клыков, ни когтей.

— Там будет интереснее, — сказала она. — Поверь. Но
если хочешь провести время с пользой — захвати нашего

фукиса. Барут хочет убедиться, что зверёк жив и здоров.

— Фукиса? — Варон отступил на полшага. — Что ж, хотите убедиться, что ставка на месте. Хорошо, приведу. Хотя лично мне было бы достаточно просто тебя в качестве приза. — Он усмехнулся, снова окинув её тем самым взглядом. — Остальное имущество и не нужно, если честно. Останься, детка.

Пантера внутри Ланы оскалилась шире. Когти беззвучно вышли из подушечек лап, полоснув по невидимому полу.

Она сохранила улыбку. Каждая секунда рядом с этим человеком стоила ей усилий, о которых он не догадывался.

— Через полчаса, поторопись, иначе предложение аннулируется, — повторила она и повернулась к выходу. Лане нужно было нагнать суеты на Варона, и она это сделала.

— Эй, деточка! — крикнул тот ей в спину. Его голос был полон самоуверенности. — Чего так быстро-то? Но как отказать такой красотке... скоро буду.

Лана вышла на улицу.

Утренний свет ударил по глазам, и она на мгновение зажмурилась, чувствуя, как пантера внутри медленно, нехотя убирает когти.

Лана перешла улицу, свернула за угол и позволила улыбке сползти с лица. Пальцы, которые минуту назад были ослаблены, сжались в кулаки.

Ничего. Скоро.

— *РАННЕЕ! РАННЕЕ! РАННЕЕ!*

Турнир уже заканчивался.

Лана поспешила в наёмный дом.

Красавчик встретил её у двери комнаты, где всё ещё спал

Принц. Горностай вскочил на плечо, едва она вошла.

Девушка почесала его за ухом.

— Устал, мой рыцарь? — тихо сказала она.

Горностай фыркнул.

Лана улыбнулась и заглянула в комнату. Принц спал, свернувшись клубком на подушке. Синяя шерсть мерно вздымалась.

Пора идти к ратуше.

Глава 5

Ратуша на площади встретила нас запахом жареного мяса и гомоном голосов.

Завтра первые парные бои, к вечеру участников должны были посетить гонцы и озвучить условия. Город жил предвкушением, а сейчас люди убивали время.

Лотки торговцев теснились друг к другу, образуя хаотичные ряды, из которых то и дело вырывались зазывалы. Звероловы с питомцами протискивались сквозь толпу, магические звери рычали, шипели и пищали на сотню голосов.

Я выбрал это место не случайно.

Людная площадь — худшее место для тайных дел. Но лучшее — для публичных унижений.

Варон любил зрителей.

Что ж, он их получит. Только роль, которую ему предстоит сыграть, окажется несколько иной, чем он себе представлял.

— Макс, — Барут шёл рядом, и голос его был сиплым от напряжения. — Ты уверен?

— Уверен.

— Если он щёлкнет пальцами...

— Не щёлкнет. Варон — садист, но не дурак. Мёртвый фукус — это потерянная ставка. Потерянная ставка — это проигранная гонка. Без гонки он ничего не получит.

Барут кивнул, но по его лицу было видно, что логика бес-

сильна против страха за живое существо. Я понимал его. Когда-то, в другой жизни, я точно так же чувствовал себя, когда охотничий пёс попадал в медвежий капкан.

Логика говорила — отступи, подумай, найди решение. А нутро выло: действуй, немедленно, любой ценой.

Разница в том, что я научился заставлять такое нутро замолчать. Барут — ещё нет.

Стёпа держался чуть позади, прикрывая тыл. С копьём друг выглядел так, что случайные прохожие инстинктивно уступали ему дорогу. Широкие плечи, тяжёлый взгляд, походка бойца — всё в нём кричало: «Не подходи».

Мика с Никой отправились домой. Мне не нужны были лишние мишени и эмоции.

Мы заняли позицию у фонтана в центре площади — единственное открытое пространство, где толпа естественным образом образовывала круг. Хорошая видимость со всех сторон.

— Ждём, — сказал я.

Барут сцепил руки за спиной, чтобы скрыть волнение. Стёпа привалился к бортику фонтана и прикрыл глаза, но я знал — каждый мускул в его теле готов взорваться.

И мы ждали.

Я использовал время с пользой — сканировал площадь.

Два выхода — на север и на юг. Десяток переулков, в которых можно скрыться. Городская стража — пара скучающих ребят у входа в оружейный ряд. Зевак — сотни. Хоро-

шо. Нам нужны были именно они.

Красавчик свернулся тёплым клубком на шее. Где-то в толпе ждала своего выхода Лана. Её я не мог ни увидеть, ни учуять — пантера умела растворяться среди людей с такой же лёгкостью, с какой растворялась среди деревьев.

Всё было на месте.

Оставалось дожидаться главного героя представления.

Варон появился минут через десять — и, надо отдать ему должное, появился эффектно.

Он шёл через толпу как хозяин, который вышел прогуляться по собственному поместью. Наёмники расчищали путь — четверо крепких ребят с мечами на бёдрах. За спиной Варона шагал тот самый Мастер в чёрном плаще, которого я видел на складе. Его болотный василиск тяжело переступал по мостовой, издавая хриплый присвист при каждом вдохе.

Зверь четвёртой ступени — серьёзная заявка. Люди расступались перед процессией.

В левой руке Варон нёс переноску. На дверце тускло мерцала магическая печать звукоизоляции. Лана уже ввела меня в курс дела.

На правом плече Варона сидел Фукис Барута.

Синий зверёк выглядел паршиво. Шерсть потускнела, огромные глаза были мутными от стресса. На шее по-прежнему сидел ошейник.

Барут рядом со мной окаменел. Увидел Фукиса и замер,

как человек, которого ударили под дых. Кровь схлынула с лица, парень сглотнул.

— Спокойно, — процедил я, не поворачивая головы.

— Фукис выглядит больным, — еле слышно прошептал Барут.

— Он выглядит живым. Сейчас это главное. Делай ровно то, о чём мы договорились. Жди момента, а потом сделай то, что хотел.

Барут стиснул челюсти и кивнул. По виску скатилась капля пота.

Варон остановился в пяти шагах от нас. Василиск лёг на мостовую, перекрывая отход на юг.

Толпа вокруг уже начинала стягиваться. Люди чуяли конфликт, как мухи — падаль. Несколько зевак остановились, перешёптываясь. Торговец с соседнего лотка привстал на цыпочки, вытягивая шею.

Хорошо. Именно то, что нужно.

Садист окинул нас медленным, снисходительным взглядом полным превосходства. Его глаза задержались на Стёпе, потом скользнули по мне и замерли на Баруте.

— Пришли, — констатировал Варон, растягивая губы в ухмылке. — Пунктуальность — качество, достойное уважения. А где же моя красotka? Опаздывает?

Он поставил переноску на камни мостовой у своих ног.

— Ну что? — Варон развёл руки, обращаясь одновременно к нам и к толпе. — Собрались вести переговоры? Или на-

столько глупы, что снова будете угрожать? Здесь, при людях, я чувствую себя куда увереннее, чем вы. Всё-таки Варон из Северного Королевства — имя, которое говорит само за себя!

Несколько зевак уже остановились плотным кольцом. Кто-то шепнул соседу на ухо. Судя по реакции, кое-кто и правда знал это имя.

Фукис на плече Варона жалобно пискнул, повернув мордочку в сторону Барута. Зверёк узнал хозяина — его огромные мутные глаза на мгновение прояснились, лапки задёргались. Но ошейник сидел плотно, и фукис снова обмяк, прижавшись к плечу чужого человека.

Барут тихо зарычал.

— Ладно, — сказал я спокойно, делая шаг вперёд. — Мы пришли поговорить. Обсудить условия. Как цивилизованные люди.

Варон приподнял бровь.

— О? Цивилизованные люди? — Он повернулся к толпе, разводя руками. — Ты себя-то видел, лесное чучело? Деревенщина хочет быть цивилизованной! Как мило!

Смешки в толпе. Несколько наёмников ухмыльнулись. Мастер в чёрном плаще остался неподвижен.

Я не отреагировал. Слова Варона были комариным писком, пусть играет на публику.

— Условия простые, — продолжил я тем же тоном. — Гонка должна быть честной. Без дополнительных фокусов с

ошейниками, понимаешь? Мы ставим по-крупному, и я хочу быть уверен, что всё по правилам. Начнём с того, что мы просили взглянуть на фукиса Барута.

— Ну, я даже здесь пошёл навстречу, — Варон театрально снял зверька с плеча и протянул вперёд на раскрытой ладони. — Любуйтесь.

Фукис на его ладони задрожал. Огромные глаза снова нашли хозяина и не отпускали. Зверёк потянулся к хозяину всем телом, лапки скребли воздух.

Барут сделал произвольный шаг вперёд. Я сжал его предплечье.

— Вижу, — сказал я, не глядя на фукиса. — Жив. Хорошо. Теперь о гонке.

Варон убрал фукиса обратно на плечо и картинно опёрся ногой на переноску.

— Слушаю внимательно. Но предупреждаю — условия менять поздно. Бумага подписана, ставки сделаны.

— Условия не меняю, — я позволил себе лёгкую паузу. Вокруг нас уже собралось человек сорок. — Просто хочу убедиться кое в чём. Для полной картины.

— В чём же?

Я посмотрел на переноску у его ног.

— Ты заявил, что твой фукис — трёхкратный чемпион Северного Королевства.

— И что? — Варон прищурился. Тень беспокойства мелькнула в его глазах.

— Мы ставим зверей с моей фермы и целый ряд имущества, — продолжил я, повышая голос так, чтобы слышала вся площадь. — Звери вторых и третьих ступеней, полезные и боевые питомцы. Это... серьёзные деньги. Ты ведь понимаешь, Варон, что условия гонки нужно менять?

— К чему ты клонишь, не пойму? С какой это стати? Бумага... — В голосе садиста появилась нотка раздражения.

— Бумага ничего не значит, если обстоятельства изменились.

Толпа затихла. Даже зазывалы на соседних лотках перестали кричать, почуяв, что на площади разворачивается нечто поинтереснее торговли.

Я посмотрел Варону прямо в глаза.

— Ты уверен, что твой чемпион — у тебя?

Варон моргнул первый раз. Второй. Его лицо не изменилось, но я уловил едва заметное подрагивание века. Не страх ещё, скорее непонимание.

— Что? — переспросил он.

— Простой вопрос, — повторил я ещё громче. — Ты действительно уверен, что твой Принц прямо сейчас находится у тебя?

Несколько секунд Варон просто стоял и смотрел на меня. Затем посмотрел на переноску у своих ног.

— Да ты совсем спятил? — Варон рассмеялся, и смех его был чуть громче, чем следовало. — Принц в переноске, прямо здесь! Где же ему ещё быть? В твоих мечтах?!

Кто-то в толпе хмыкнул, но большинство зевак молчали и наблюдали.

— Тогда открой, — я кивнул.

— Что?

— Переноску. Открой. Покажи всем своего чемпиона. — Я обвёл рукой толпу.

Варон посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

Вывод, к которому он пришёл, был предсказуем. Переноска запечатана. Охрана не спала. Никто не входил, никто не выходил. Принц — внутри. Сомнений нет и быть не может.

А значит, открыть переноску — это отличное шоу. Повод ещё раз покрасоваться перед толпой.

— Ха! — садист тряхнул головой и улыбнулся. — Хочешь посмотреть на чемпиона? Извольте!

Он нагнулся к переноске. Пальцы легли на задвижку. Медная полоска щёлкнула. Магическая печать тихо загудела, раскрываясь.

Я держал руки за спиной, лицо каменное.

Стёпа чуть подался вперёд. Барут перестал дышать.

Варон распахнул дверцу переноски.

Первую секунду ничего не происходило.

Вторую — тоже.

А вот на третью раздался резкий крысиный визг.

Из дверцы вылетело серое, лохматое нечто. Здоровенная портовая крыса, озверевшая от ночи в заточении. Она приземлилась на мостовую у ног Варона, крутанулась волчком

и с пронзительным визгом рванула в толпу.

Женщина в первом ряду зевая взвизгнула и отпрыгнула, врезавшись в мужчину позади. Тот охнул и схватился за лоток с пирогами. Лоток накренился, и пироги посыпались на мостовую. Крыса промчалась между ног, хвост хлестнул по ноге ещё одной женщины, и та с руганью запрыгнула на прилавок.

Три секунды хаоса, а потом — смех.

— КРЫСА! — взвыл кто-то в задних рядах. — У Варона вместо чемпиона — ПОРТОВАЯ КРЫСА!

Рынок взорвался.

Хохот ударил со всех сторон. Дети визжали от восторга, тыча пальцами в ошалевшего Варона. Женщины прикрывали рты ладонями.

— Чемпион-крыса! — слышалось в толпе.

— Эй, Варон! — крикнул кто-то из-за лотков. — Крысиные бега — это новый вид элитных гонок?

— Подождите, может, это особая порода! Элитная портовая!

Новый взрыв хохота.

Лицо садиста искажилось непониманием и шоком. Рот приоткрылся, но звук не вышел. Руки повисли вдоль тела.

Наёмники за его спиной переглянулись. Мастер в чёрном плаще сделал полшага назад.

Варон стоял, окружённый хохочущей толпой, с пустой переноской в руках, и мир рушился у него на глазах. Вся его

репутация превращалась в прах под безжалостным смехом сотен глоток.

Он был на грани.

Фукис на его плече вздрогнул. Чёрный ошейник тускло блеснул.

В этот момент из-за моей спины шагнула Лана, держа у шеи Принца кинжал.

Варон уставился на фукиса в руках девушки так, словно увидел собственный труп.

— Мой... — хрипло выдавил садист. — Это мой зверь...

— Твой, — согласился я. — Пока что.

И тут Варон сломался.

Лицо, которое секунду назад было белым от шока, залила волна багрового бешенства. Переноска полетела на мостовую, со звоном ударившись о камни, и пальцы метнулись вверх.

— ТЫ! — Голос сорвался. — ТЫ УКРАЛ МОЕГО ПРИНЦА! Подмена! Забрались ко мне, пока я спал! Ты, НИЧТО-ЖЕСТВО, МРАЗЬ, Я УБЬЮ ЕГО! СЛЫШИШЬ, ЗВЕРОЛОВ?! Один щелчок — и синий уродец сдохнет! Прямо здесь, у тебя на глазах! А потом я доберусь до тебя и до всей твоей жалкой...

— Подожди, — сказал я, поморщившись. — Давай посчитаем.

Варон осёкся.

— Что? — он моргнул, сбитый с толку.

— Посчитаем, — повторил я. — Давай разберёмся, сколько твой щелчок пальцами может стоять. Но только обоим сторонам.

Толпа вокруг притихла — люди чуяли, что спектакль вступает в новый акт, и жадно ловили каждое слово.

— Фукус Барута... — я загнул палец, — редкий зверь сам по себе, это да. На рынке такой стоит... сколько, Барут? Золотых шестьдесят?

— Около того, — хрипло ответил торговец.

— Шестьдесят золотых, — повторил я, чтобы слышала вся площадь. — Плюс пара дней слёз и переживаний. Тяжело, больно, обидно — но переживём. Барут через неделю найдёт себе нового фукуса на торгах в том же Драконьем Камне.

Я заговорил медленнее.

— А теперь посчитаем твои потери, Варон. Принц — победитель турниров. — Я загибал пальцы, и с каждым загнутым пальцем лицо Варона менялось. — Рыночная стоимость чемпиона такого уровня — даже сложно представить. Тысяча? Две?

Даже наёмники за спиной Варона слушали, и по их лицам было видно, что они считают вместе со мной.

— Дальше, — продолжил я. — Без Принца ты в гонке участвовать не можешь. Ставки, которые ты сам же и потребовал, сгорают. А ещё — твоя репутация. — Я обвёл рукой перешёптывающуюся толпу. — Сколько она стоит сейчас,

Варон? После крысы?

Кто-то в задних рядах хрюкнул, и по толпе прокатился новый смешок. Варон дёрнулся, словно его ткнули ножом в спину.

— Ну так скажи мне. Какой человек в здравом уме пойдёт на такой размен?

Люди переглядывались, качали головами, и я ловил обрывки шёпота: «...чемпион, говорю тебе, настоящий чемпион...», «...он что, реально готов его потерять? За шестьдесят золотых?..»

Общественное мнение — отличное оружие.

Варон это чувствовал и знал.

Поэтому медленно выпрямился.

— Думаешь, я боюсь потерять деньги? — процедил он. — Думаешь, ты можешь ограбить меня, унизить перед толпой — и я буду торговаться как лавочник?!

Он щёлкнул пальцами...

Другой руки, но Барут чуть не закричал.

Наёмники за его спиной сдвинулись. Мастер в чёрном плаще поднял голову, и его болотный василиск тяжело поднялся на лапы.

— Может, тебе стоило подумать о последствиях, прежде чем лезть в мой дом, — Варон оскалился. — У меня четыре мастера и сильные звери. А у тебя — баба и копейщик.

Стёпа рядом со мной сместил центр тяжести, крутанув копьём. Лана за спиной замерла.

Я посмотрел на Варона и улыбнулся.

Афина. Кари.

Воздух справа от меня взорвался белым пламенем. Двуххвостый лис материализовался в облаке жара.

Слева появилась Афина.

Она встала рядом со мной и медленно повернула голову к Василиску Мастера. Посмотрела на него так, как кошка смотрит на крупную, но неповоротливую мышь.

Василиск хрипло зашипел, его хвост ударил по мостовой. Серьёзный зверь, и любой другой на моём месте, наверное, задумался бы. Но я-то знал, на что способна моя девочка.

Толпа загудела. Бесплатный бой зверей посреди рынка.

Я вытащил нож.

Поток воздуха закрутился вокруг клинка спиралью.

— Ты уверен, что хочешь решать вопрос таким образом?
— спросил я, и ветер вокруг лезвия завыл чуть громче, словно подчёркивая мои слова. — Можем, конечно. Я-то не против.

Варон стоял неподвижно. Его глаза бегали от тигрицы к огненному лису, от лиса к моему клинку, от клинка к собственным наёмникам. Он считал. Расклад был... неочевидным.

А потом я услышал то, ради чего стоило затевать весь этот спектакль на площади.

— Не надо, — прошептал кто-то в толпе за спиной Варона. — Не связывайся. Он участвует в турнире. Эта тигрица...

я видел её на арене. Она рвала противников как тряпки.

— Точно, точно, — подхватил второй голос. — Это же тот зверолов со второго дня! Он дошёл до второго этапа, говорят, у него целая стая, я тебе говорю, это не все его звери!

— А лис! Посмотри на лиса! Белое пламя!

Голоса множились и ползли из толпы.

Мастер в чёрном плаще шагнул к Варону и что-то тихо сказал ему на ухо.

Секунды тянулись как смола.

Ярость боролась с расчётом, гордость — с жадностью, и я точно знал, что победит. Варон — игрок, а у игроков есть слабость, которая сильнее любой злости: они верят, что смогут отыграться. Убей фукиса, потеряй Принца, ввяжись в драку посреди рынка — и ты уже никогда не отыграешься.

А сохрани Принца — и гонка состоится. И можно будет выиграть всё: зверей, имущество, репутацию.

— Обмен, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Ты снимаешь ошейник с Фукиса, — я заговорил быстро, пока он не передумал. — Прямо здесь, при свидетелях. После этого мы отпускаем Принца.

— Одновременно, — прорычал Варон. — Я снимаю — и эта сука сразу отдаёт.

— Прибереги громкие слова для гонок, ублюдок. Сначала ошейник. Потом Принц. — Я покачал головой. — Ты снимаешь ошейник — и через три секунды получаешь своего чемпиона. Три секунды, Варон.

— Столько стоит твоя гордость, — усмехнулась Лана, которая словно и не услышала оскорбление.

— Чёрт с вами, — Варон медленно поднял правую руку к ошейнику.

Я убрал ветер с клинка и вложил нож в ножны.

Щелчок.

Ошейник раскрылся и упал на мостовую.

Фукус замер на плече Варона. Одну долгую, бесконечную секунду маленький зверёк сидел неподвижно, словно не веря, что тяжесть на шее исчезла. А потом прыгнул.

Синяя молния метнулась вперёд и приземлилась торговцу на грудь. Лапки вцепились в рубашку, тельце прижалось к человеку, и из маленькой глотки вырвался звук, который я раньше никогда не слышал.

Тонкий, непрерывный свист, похожий на плач.

Маленькое существо, пережившее ужас разлуки, наконец-то нашло своего человека.

Барут поймал его обеими руками и прижал к груди.

Я кивнул Лане. Пантера присела на корточки и аккуратно поставила Принца на мостовую. Зверёк постоял секунду и неторопливо потрусил в сторону наёмников. Ближайший из них подхватил его на руки и торопливо отступил к Варону.

Обмен состоялся.

Обманутый Зверолов стоял, глядя на Принца, и его лицо всё краснело от злости.

— Гонка, — сказал он. — Через шесть дней! По бумаге!

И когда я выиграю, а я выиграю, вы отдадите мне всё. При всех!

— Договорились, — ответил я и усмехнулся.

Варон развернулся и зашагал прочь.

Барут поднял голову и посмотрел на меня.

— Спасибо, — хрипло сказал он.

— Твой выход, дружище. Делай, что хотел, — я кивнул.

Барут поднял голову и посмотрел на меня.

Парень выпрямился, расправил плечи, и на его лице проступил холодный расчёт торговца, который учуял запах сделки.

— ВАРОН! — голос Барута прокатился по рыночной площади, как удар колокола.

Я вздрогнул. Это был совсем другой голос — громкий и уверенный. Стёпа с Ланой переглянулись. Я и забыл, что Барут умел так говорить.

— ВАРОН! СТОЙ! У НАС НЕЗАКОНЧЕННОЕ ДЕЛО!

Толпа обернулась. Десятки голов повернулись к невысокому человеку с синим зверьком на плече, который стоял у фонтана и кричал вслед уходящему врагу.

Процессия Варона остановилась. Минута — и Зверолов показался вновь, проталкиваясь к площади. Лицо пылало от ярости.

Я стоял чуть позади Барута и наблюдал. То, что он задумал, торговец должен был сделать сам.

— Ты рехнулся, торговец? — процедил Варон. — Я дал

тебе зверя и ухажу. Встретимся на гонке!

— Нет, — перебил Барут. — Ты уходишь с моими ставками в кармане. И мне интересно, Варон — когда ты успел превратиться в падальщика, м?

Толпа загудела. Кто-то присвистнул. Варон побагровел.

— Слушай, тебе в прошлый раз не хватило? Добавить?

Барут повернулся к толпе.

— Люди! Вот в чём дело. Этот человек, — он указал на Варона, — заключил со мной пари. Гонка фукисов, проигравший отдаёт всё. Я ставлю своё имущество и зверей моего друга. А он...

Торговец сделал паузу, развёл руками и посмотрел на толпу с выражением искреннего недоумения.

— А что ставит он?

Зеваки переглянулись.

— Раньше у него был залог, — продолжил Барут. — Мой Фукис. Он прицепил на него ошейник и грозился убить! Вынудил согласиться на гонки. Жестоко, но хотя бы понятно — у каждой стороны что-то на кону. А теперь ошейника нет. Мой Фукис у меня. И знаете, что это значит?

Он выдержал паузу — ровно столько, сколько нужно. Торговец, привыкший чувствовать настроение покупателя.

— Это значит, что Варон идёт на гонку, ничем не рискуя.

Ропот в толпе. Торговцы и ремесленники, привыкшие считать деньги, возмутились.

— Нечестно! — крикнул кто-то из середины. — Какое же

это пари, если одна сторона ничего не теряет?

— Жулик! Мошенник сраный!

— Иди поцелуй свою крысу!

Барут стоял у фонтана и позволял толпе работать за него.

Стёпка поморщился и шепнул нам, наклонившись.

— Грязновато.

Лана рядом со мной едва заметно усмехнулась.

— Нормально. С ним по-другому и не надо.

— Заткнитесь! — рывкнул Варон, поворачиваясь к толпе.

— Это наше дело! Бумага подписана!

— Бумага подписана, верно, — кивнул Барут с мягкой, обезоруживающей улыбкой. — Под давлением, Варон. Но я великодушный человек. И готов выйти на гонку. Рискнуть всем, что поставил.

Он посмотрел на Варона в упор.

— А ты? Готов рискнуть тем, что имеешь, как это сделал я? Или великий Варон-трижды-чемпион боится проиграть простому торговцу?

— Я никого не боюсь! — взревел Варон. — Ты, жалкий лавочник, смеешь обвинять МЕНЯ в трусости?!

— Тогда докажи. Ставь то, что будет стоять на кону не хуже всего моего имущества! При свидетелях.

Толпа взревела.

— Варон, поставь или признай, что боишься!

— Крысиный чемпион, ещё и трус!

Варон поднял обе руки, и толпа чуть стихла.

— Ставки хочешь? — Он посмотрел на Барута с презрением. — А с чем мне равняться, а? Сколько стоит ваш навоз? Что мне ставить против этого? Я не собираюсь рисковать серьёзным имуществом ради вашего развлечения.

— Не собираешься, — повторил Барут задумчиво. — То есть ты хочешь забрать у нас всё что есть, а самому поставить так же не хватает духа?

— Позор! — выкрикнул кто-то.

— Сдуся Северянин! — крикнул другой голос. — Зажал!

Варон дёрнулся, как от пощёчины. Он обвёл взглядом площадь — сотни глаз, ждущих его позора. Я ясно читал его мысли. Если сейчас откажется — завтра об этом будут знать в каждом порту. «Варон — трус, который испугался торговца». Это конец.

Мастер в чёрном плаще наклонился к уху садиста. Тот резко отмахнулся.

В этот момент я увидел то, ради чего и стоило затевать весь этот спектакль.

Взгляд Варона метнулся к Принцу. Трёхкратный чемпион. Мощные лапы, спокойные глаза победителя. Потом — к Фукису на плече Барута. Замученный, тощий, дрожащий зверёк, который только что пережил ад.

Шерсть потускнела, глаза мутные.

— Ну дава-а-а-ай же... — едва слышно прошептал Барут.

Я знал, что Варон сейчас считает. В глазах жадный блеск,

который бывает у людей, когда они прикидывают размер куша и убеждают себя, что риска нет. Его чемпион против нашего доходяги.

Жадность — надежнейший из капканов.

Но и это не всё. За жадностью проступает что-то тёмное и голодное. Желание уничтожить нас, раздавить публично, при всех, так, чтобы хохот с площади было слышно за стенами города. Отомстить за унижение и каждую секунду этого дня.

Лицо Варона исказила страшная, предвкушающая улыбка.

— Ставки, значит? — процедил он. — Хорошо.

Он облизнул губы.

— Кастор! Грамоту на суда!

Наёмник порывлся в сумке и достал свёрнутый в трубку документ. Варон выхватил его и развернул перед толпой.

— Вот! Два моих корабля! — Голос загремел, набирая прежнюю мощь.

Он ткнул пальцем в Барута.

— Хочешь ставок, торговец? Ставлю свои корабли против твоего навоза! А знаешь, почему? ПОТОМУ ЧТО ВАМ НИКОГДА НЕ ВЫИГРАТЬ! Слышите люди?! ВОТ КАКОВ ВАРОН НА САМОМ ДЕЛЕ!

Толпа ахнула. Зеваки присвистывали, качали головами, толкали друг друга локтями.

Барут стоял неподвижно. Пожалуй, только я заметил, как

мелко дрожат его пальцы за спиной. Великолепно разыграно.

— Корабли, — повторил он задумчиво, словно взвешивая слово на языке. — Что ж, Варон. Скрепим на бумаге.

— Кастор, — кивнул садист.

Наёмник посмотрел на Варона с недоумением.

— Пиши! — рявкнул тот.

Тот присел на край фонтана и принялся строчить. Барут спокойно диктовал условия. Каждый пункт был разумным и справедливым. Придаться было не к чему.

Варон яростно подписал, вдавливая перо так, что бумага чуть не порвался.

На этот раз процессия Зверолова двигалась быстрее. Мастер в чёрном плаще шёл последним, и я был готов поклясться, что он оглянулся с выражением человека, который видел, как его нанимателя ограбили среди бела дня.

Толпа сомкнулась обратно. Через минуту вся площадь обсуждала предстоящую гонку. Кто-то уже принимал пари.

Похоже зрителей будет больше, чем на турнире.

Я подошёл к Баруту. Торговец стоял спиной к толпе, и маска спокойствия медленно сползала. Руки тряслись. Фукис на плече тихо свистнул, ткнулся носом в шею хозяина.

— Доволен? — спросил я.

Барут посмотрел на меня и улыбнулся.

— Два корабля, Макс, — прошептал он. — Я развёл его на два корабля. Если мы выиграем...

— Мы выиграем.

Стёпа хлопнул торговца по спине так, что тот качнулся вперёд.

— Ну ты и жук, — сказал копейщик с уважением.

На подписанной бумаге не было того, что Варон упустил из виду — и что стоило дороже любых кораблей. Маленький синий зверёк, который пять минут назад вернулся к хозяину и вцепился в его рубашку так, словно собирался держаться до конца.

Зверь, готовый умереть за своего человека, способен на невероятные вещи.

Варон не мог этого знать — потому что никогда в жизни ни одно существо не держалось за него так, как этот фукис держался за Барута.

Времени на подготовку должно хватить.

Капкан захлопнулся.

Ну а кровью он умоется попозже. Два корабля на дороге не валяются.

Глава 6

Я ждал их у восточных ворот арены — там, где заканчивались ряды торговцев и начиналась территория, куда зеваки не совались. Два стражника в королевских накидках стояли по бокам от прохода, и их присутствие действовало на толпу лучше любого забора.

Арий выглядел как всегда — безупречно.

Рядом с ним шёл Драконоборец.

— Зверолов, — Арий кивнул мне без улыбки. — Видел твой сигнал. Идём. Поговорим по пути, нас вызывает Король.

— Нас? — я вскинул бровь.

— Меня и Ивана, — советник всё-таки усмехнулся.

Мы двинулись по широкой улице к верхнему городу. Стража встречалась всё чаще — парные патрули с факелами, конные разъезды, посты на перекрёстках. Турнир собрал в Оплоте Ветров слишком много опасных людей, и королевская безопасность работала в усиленном режиме.

Разговор начался без предисловий. Мы давно прошли стадию, когда нужно тратить время на расшаркивания.

— Боец с теневой пантерой, — сказал я негромко, подстраиваясь под шаг Ария. — В первый день. Зверь значительно превосходил остальных — не просто сильный, а на голову выше всех на арене. Теневой элемент, полный кон-

троль, ни одного лишнего движения. И хозяин ушёл сразу после остановки боя. Лица я не разглядел.

— Кхм, — кивнул Арий, не поворачивая головы. — Сильный зверь. К чему клонишь?

— Сразу три момента. Теневой зверь огромной силы. Превосходство, которое не спрячешь. Ну и вёл себя так, будто хотел, чтобы его видели.

Мы обогнули патруль — четверо стражников с копьями — и я выждал, пока они останутся позади.

— Друиды затаились, но... Может ли это быть Моран? — сказал я.

Арий не сбился с шага. Хороший политик — лицо не дрогнуло, ритм не изменился. Только пальцы правой руки чуть сжались, и я заметил это лишь потому, что привык следить за руками.

— Друид Тени потерял руку в бою с Григором, — ответил советник. — С чего бы?

— Вы ведь уже видели, что они умеют делать с плотью? Альфами? Такая сила...

— Псевдо-Альфы... — протянул Арий, понизив голос.

— Если они могут такое, то почему не могут восстановить ногу Крагнора или руку Морана? Моран засветился. Появиться на турнире в старом облике — самоубийство.

— С Крагнором всё тяжелее, — выдохнул Арий. — Макс, разговор с королём Валдрисом прошёл не очень хорошо. Крагнор являлся поставщиков Золотого Королевства. Та-

щил лучшие редкие реагенты и травы из зоны максимальной опасности. Пока не пропал после твоей битвы.

— Значит, убедить короля в его причастности не удалось?

— Мы были крайне осторожны, отношения Алариха с Валдрисом достаточно напряжённые. В его глазах блещут монеты, Максим, так что на турнире у нас связаны руки.

— Значит думаешь, Моран изменил внешность, — сменил тему Драконоборец.

— Новое лицо, новое имя. Почему нет? У меня больше нет зацепок. А у вас есть?

Вопрос был риторическим.

Мы свернули на улицу, ведущую к верхнему ярусу. Здесь дома стояли плотнее, фонари горели ярче, стражи больше — приближались к королевским кварталам. Арий кивнул ближайшему патрулю, и нас пропустили без вопросов.

— Могу ошибаться, — добавил я. — Это может быть просто Зверолов. Но было бы глупо не проверить.

Арий молчал. Я знал это молчание — советник перебирал варианты и взвешивал риски.

— В списках участников нет никого, кто хотя бы отдалённо напоминает Морана, — сказал он наконец. — Проверять лично.

— Конечно, нет. В этом и смысл.

Иван хмыкнул.

— Парень дело говорит. Если друид сменил шкуру — в списках не найдёшь. Но на арене все на виду. Я помню того

участника. Его лицо было скрыто платком.

— На арене — да, силы не скроешь. — согласился Арий.
— Но турнир — не только арена. Правила защищают участников. Нужны основания.

Мы остановились у ворот, за которыми начинались королевские покои. Стража плотная — двойной пост, алебарды, кольчуги, серьёзные лица и серьёзные звери у ног.

— Максим, — советник повернулся ко мне. — Свяжусь, когда будет что сказать. До тех пор — не дёргай эту нить. Если это Моран — он не должен знать, что вычислен. Спугнём раньше времени — уйдёт, и ловить будет нечего.

— Кхм...

Иван протянул руку. Рукопожатие вышло короткое, но крепкое.

— Держи глаза открытыми, Зверолов. Друиды не приходят на турниры ради развлечения. Если ты прав — то у него есть цель.

— Арий, — сказал я, когда советник уже взялся за кованую ручку ворот. — Подожди.

Оба остановились. Иван повернулся первым — он почувствовал перемену тона раньше, чем услышал слова.

— Тот чемпион движется по турнирной сетке вверх. Вряд ли он тешит своё эго. Если это Моран — его нельзя пускать в финал. Поэтому я хочу взять его прямо на арене.

— Взять? — переспросил Арий.

— Да. Прямо там, едва он появится на парных боях.

— И как ты поймёшь, что это Моран, если сам предполагаешь, что он мог изменить внешность? — серьёзно спросил Драконоборец.

Чёрт... Об этом я ещё не думал. Поэтому проигнорировал вопрос.

— Если подтверждаю — беру прямо там. Друид Тени из «Семёрки» — не мелочь. Он знает их планы. У нас нет времени на игры в «подожди». Мы на пороге чего-то очень крупного.

Иван скрестил руки на груди.

— Нет.

Одно слово, но тяжёлое, как булыжник. Зараза...

— Иван...

— Нет, Зверолов. Подожди и подумай.

Я сжал челюсти. Внутри поднималась горячая, злая, волна.

— О чём думать? — спросил я, стараясь держать голос ровным. — Моран — один из Семёрки. Допросить — и мы узнаем больше, чем за всё это время! Ни вы, ни жнецы не смогли обнаружить их. Каждый час промедления...

— Как именно ты собираешься его взять на арене? — перебил Иван.

Я открыл рот и... Закрыл.

Бои на арене — между зверями. Атака на зверолова — нарушение регламента и исключение из турнира. И тогда мы не сможем помочь Нике.

— Не на арене, — поправился я. — После боя. За преде-

лами...

— Ещё хуже, — вступил Арий. — Каждый участник турнира зарегистрирован от имени определённого королевства. Это не формальность, Зверолов. Захват участника — агрессия Алариха против королевства, от которой боец заявлен.

— Вы сами себя слышите? — взвыл я. — Да мне плевать на дипломатию, если...

— Тебе не плевать, — отрезал Иван. Сделал шаг ко мне. — Война — это именно то, чего хочет «Семёрка». Хаос. Раскол между королевствами. Каждый против каждого, а друиды тихо делают своё дело, пока люди заняты резнёй. Хочешь подарить им это на блюдечке? Хочешь, чтобы мы отвлеклись на это и оставили тебя?

Чёрт, а ведь он прав. И от этого злость только росла.

— Допустим, — процедил я. — Но я возьму его тихо. Без свидетелей и скандала. Узнаю правду и вопросов ни у кого не останется, едва они поймут, что это Моран.

— Всеволода помнишь?

— Сложно забыть.

— Я ломал его слишком долго, — сказал Иван. — Профессиональная работа, уж поверь опыту. И даже тогда он сказал не всё. А теперь представь Морана.

Иван замолчал, давая мне время.

— Даже если случилось чудо — ты поймал его скрытно, УДЕРЖАЛ и уговорил меня пытаться друида сутки напролёт, — продолжил Иван. — Сколько пройдёт, прежде чем «Се-

мёрка» узнает? Час? Они сворачивают всё, уходят в тень или, что самое страшное, меняют план.

— Он друид тени, — добавил Арий. — Сам знаешь, как ушёл от Григора. Удержать его не смог человек, призвавший Аватар Первобытного Медведя. Ты уверен, что справишься, Макс? Твой план сшит белыми нитками.

Наступила тишина. Где-то внизу прогрохотала телега.

Я молчал. Ответ был очевиден, и он мне не нравился.

— Послушай, Зверолов, — Иван заговорил тише. — Ты охотник. Один из лучших, кого видел. И ты знаешь правило, которое я скажу, лучше любого из нас.

Посмотрел мне в глаза.

— Не бей разведчика. Иди за ним к логову.

Слова легли точно, как нож в ножны.

Если это Моран, он думает, что его не раскрыли. И пока так думает — действует. Выполняет задание, ради которого «Семёрка» отправила его на турнир.

А если следить, то Моран сам приведёт к цели.

И ещё — я даже не уверен, что это он.

— Ладно, — я сказал всего одно слово, но далось оно слишком тяжело. — Но я хочу знать всё об этом участнике, советник. И прослежу за ним сразу же, как объявится.

Арий кивнул.

— Другой разговор.

— И ещё, — я посмотрел на Ивана. — Если он сделает ход — любой ход, который угрожает моим людям или стае

— я не буду ждать разрешения. Не обсуждается.

Иван смотрел несколько секунд. Потом медленно кивнул.

— Справедливо. Агрессия с его стороны снимет с нас все вопросы.

— Есть одно «но», — протянул я и нахмурился. — Таким образом мы позволяем ему идти к цели и участвовать в турнире.

— Значит выясни, что ему нужно быстрее, чем наступит финал, Макс, — сурово пробасил Иван. — Или не дай дойти до финала и убей, если понадобится. Действуй по ситуации и позови, если нужна будет помощь. Я не откажу.

Я кивнул, стиснул зубы и развернулся.

— Зверолов, — позвал советник. — Если мы подтвердим, что это Моран, продумаем следующий шаг. Подтверди. Ты принял правильное решение.

— Я принял единственное решение, — ответил я. — Это не одно и то же.

Арий чуть приподнял уголок рта, и ворота закрылись.

Я стоял на вечерней улице, и злость медленно остывала, уступая место холодному, привычному расчёту. Следить. Наблюдать. Ждать, пока зверь покажет, куда ведёт тропа.

Терпение убивает надёжнее пули, а его у меня всегда было в избытке. Когда-то сработало с Ефимом — должно помочь и здесь.

Да и терпение — не бездействие. Завтра парные бои на арене.

Дорога домой вела через развлекательный квартал — обойти его можно было, но крюк выходил в полчаса, а ноги уже гудели.

Квартал жил вечерней, разгульной жизнью. Турнир превратил Оплот Ветров в гигантскую ярмарку, и в это время город перетекал из одного состояния возбуждения в другое. Таверны светились изнутри медовым светом, из распахнутых дверей выплёскивалась музыка и пьяный хохот.

Девицы с накрашенными лицами зазывали с балконов. Пьяные зрители турнира спорили, чей зверь победит завтра, размахивая кружками так, что пиво летело на стены.

Я шёл, не глядя по сторонам. Голова была забита Мораном и предстоящей гонкой Барута.

Мостовую перегородила толпа.

Во главе, в круге факельного света, шагал человек, которого я мгновенно узнал.

Раннер.

Сейчас он был не на арене, но вёл себя так, словно всё ещё на ней.

— Дамы, дамы, дамы! — его голос разносился по улице, перекрывая музыку из таверны. — Не толкаемся! Раннера хватит на всех! На некоторых — даже дважды!

Взрыв хохота.

Женщины — штук шесть или семь, от разодетых купеческих дочек до девиц попроще — облепили его со всех сторон. Одна висела на правой руке, другая на левой, третья

шла чуть позади и хохотала так громко, что лошадь у коновязи нервно дёрнула ушами.

За бойцом двигалась свита — четверо крепких ребят в одинаковых кожаных куртках, наёмная охрана. Лица профессионально скупающие. Явно не первая такая ночь и не последняя.

— Хозяин! — Раннер распахнул двери таверны ударом ноги, и изнутри вырвался столб света, жара и музыки. — Лучший стол! Лучшее вино! И если у тебя есть что-нибудь крепче вина — тоже неси! Ночь длинная, а завтра я буду скучать на арене, так что сегодня — гуляем!

Кто-то внутри заорал: «Да это же Раннер!» — и крик подхватили. Таверна взревела, приветствуя звезду турнира так, словно он был не зверолов, а возвращающийся с победой полководец.

Я стоял в тени через улицу, прижавшись плечом к каменной стене.

Блондин тем временем остановился в дверях, обернулся к толпе на улице и раскинул руки.

— Кто хочет выпить с лучшим бойцом турнира — заходите! Я угощаю!

Толпа хлынула внутрь. Раннер запрокинул голову и заразительно рассмеялся. Девушка на его правой руке потянула бойца за рукав, он наклонился, что-то шепнул ей на ухо, и та зарделась так, что румянец не заметил бы только слепец.

Я прищурился. Он двигался слишком плавно для челове-

ка, выпившего столько вина. Координация не нарушена.

Метаболизм как у тролля, у него, что ли...

Я смотрел на закрытые двери и чувствовал что-то среднее между раздражением и недоумением.

Завтра — бои. Второй этап турнира, где ставки удваиваются и слабых отсеивают без жалости. Каждый серьёзный боец сейчас готовится — проверяет зверей, отдыхает, планирует тактику. Я сам только что провёл вечер, обсуждая Друида Тени с двумя самыми опасными людьми Королевства. А этот... этот красавчик заливает в себя вино в обнимку с девицами.

Да, на арене Раннер был очень хорош — это я признавал без иллюзий. Огненный лев доминировал, а сам парень играл с противниками, как кот с мышами. Настоящий талант, который прямо сейчас топился в вине и бабах.

Одна ночь кутежа — и реакция на долю секунды медленнее. Одна доля секунды — и твой зверь лежит на песке.

Может, ему всё равно? Может, ему всю жизнь настолько всё легко давалось, что он легко позволяет себе гулять ночь напролёт и выходить на арену с похмельной головой.

— Недалёкий, — покачал я головой и оттолкнулся от стены.

Из таверны донёсся очередной взрыв хохота и звон разбитой посуды. Кто-то пьяно запел.

Я шёл по ночной улице и думал о том, как странно устроен мир. Возможно, где-то в этом городе прячется Друид Тени

с чужим лицом и смертоносной пантерой. В комнате, подле Барута, спит Фукис, которому через несколько дней предстоит гонка, от исхода которой зависит будущее хозяина. Где-то за стенами Оплота шевелится «Семёрка», плетя свои тёмные нити.

А Раннер пьёт, гуляет и хохочет, как будто завтра не существует.

Но это не моё дело. Моё дело — выспаться.

На крыльце наёмного дома, привалившись к перилам, сидел человек.

Я остановился, рука скользнула к ножу и... тут же остановилась.

Парнишка лет восемнадцати в форменной одежде гонца дремал, уронив голову на грудь, но при звуке моих шагов быстро вскинулся.

— Зверолов Максим? Ядозуб?

— Он самый. Давно ждёшь?

— Нет, господин. — Парень поднялся и полез в сумку. — Приказано вручить лично в руки. Ваше назначение на парные бои.

Он протянул свиток, кивнул, развернулся и потрусил в темноту. Из подворотни донёсся стук его каблуков, потом стихло.

Я развернул свиток.

Парные бои. Второй этап.

Формат: два участника в связке против двух других.

Жребий определил напарника, оппоненты не называются.

Мой взгляд добрался до нужной информации.

Вам удостоена честь открыть парные испытания!

ПАРА 1:Зверолов Максим (Ядозуб) и Зверолов Раннер (Огненный лев).

ЧТО?!

Человек, который собрался пить до утра и...

Мой напарник.

В бою, который начнётся самым первым!

Я медленно свернул свиток.

Спокойно. Думай.

Парные бои — не шутка. Два зверолова должны работать в связке, прикрывая друг друга, координируя атаки зверей, закрывая слабые стороны партнёра. Это требует доверия, слаженности и — в идеале — хотя бы минимального знакомства. У нас не было ни первого, ни второго, ни третьего.

А ещё это требует трезвости, мать вашу!

Я представил себе завтрашнее утро. Раннер с мутными глазами выходит на арену, где его ждут два противника с боевыми зверями.

Посмотрел в сторону развлекательного квартала. Оттуда по-прежнему доносилась музыка.

Первый порыв — пойти, вытащить его за шиворот и окунуть головой в ближайший фонтан. Второй порыв — тот же,

но с ударом по рёбрам.

Этого парня нужно сейчас же вытаскивать из таверны — на кону стоит жизнь Ники. Мне хватало ума понять, что в турнире участвуют сильные бойцы, и биться одному против двоих не самый лучший исход из возможных.

И тут внутри меня качнулось.

Режиссёр.

Я замер на пороге, закрыв глаза. Привычным усилием нащупал ментальную нить, ведущую к ветряной рыси.

Ответ пришёл мгновенно.

Темнота. Запах гнили. Вой, от которого хочется вывернуть череп наизнанку.

Режиссёр в ядре оскалился и ударил лапой. Злость, стыд и ершистое недовольство.

Я на это не подписывался, и, если ты ещё раз потащишь меня к чему-то подобному — я лично выцарапаю тебе глаза.

Я усмехнулся.

Живой и злой, пожалуй, впервые за столько времени. Но это хорошо. Хуже было бы, если бы он молчал — отойдёт.

— Ты в безопасности, брат, — прошептал я едва слышно.
— Дома. Той твари больше нет.

Режиссёр фыркнул, но напряжение в нити чуть ослабло.

Я вошёл в дом.

В общей комнате горел камин, и в его свете разворачивалась картина, от которой я невольно остановился в дверях.

Мика сидел на полу, скрестив ноги, и с выражением край-

ней сосредоточенности держал перед собой кусок сырого мяса. Рядом лежал Шовчик — водяной волкодав вытянулся во весь свой немаленький рост, положив массивную голову на лапы, и следил за мясом с профессиональным интересом. Хвост мерно постукивал по полу.

Между ними, на перевёрнутой миске, как на троне, сидела Тина.

Жаба смотрела на кусок мяса с выражением непоколебимого спокойствия.

— Шовчик, — говорил Мика терпеливо, поднимая мясо. — Вот. Смотри. Берёшь. Кладёшь. Перед Тиной. Аккуратно. Не жрёшь сам. Кладёшь. Понял?

Волкодав весело и утвердительно гавкнул. Хвост застучал быстрее.

Мика положил мясо перед жабой. Тина медленно и величественно моргнула. Потом разинула пасть, и мясо исчезло. Раз, и нет. Шовчик дёрнулся, ткнулся носом в пустое место, где только что лежал кусок, и обиженно заскулил.

— Нет! — Мика поднял палец. — Не ныть. Сейчас она ест, не ты!

Шовчик посмотрел на Мику с таким выражением, которое у людей называется «ты издеваешься, да?»

Тина моргнула снова.

Я прислонился к дверному косяку и позволил себе улыбнуться. Мика сидел на полу между волкодавом и жабой-утилизатором и учил их.

— Мика.

Парень поднял голову.

— Макс! Ты видел? Шовчик уже понимает команду «корми»! Ну, почти понимает. Процентов на сорок. Тина ему помогает — она ему показывает глазами, куда класть.

— Тина ему показывает глазами, — повторил я. — Жаба. Показывает глазами.

— Ну да. Она умная.

Тина моргнула в третий раз. Я мог поклясться, что это было подтверждение.

— Ладно, — я оттолкнулся от косяка. — Где Стёпа?

— Наверху. Лана ушла за водой, скоро придёт. Ника с Барутом тоже наверху, тренируют Фукиса.

— Хорошо. Слушай, мне нужно уединиться. Режиссёр пришёл в себя, и у меня есть кое-что, что поможет ему стать сильнее. Это займёт время.

Мика посерьёзnel.

— То самое сердце?

— Да. Не трогайте меня, пока сам не выйду.

— Понял.

Я прошёл по коридору и закрылся в дальней комнате.

Сел на пол спиной к стене и достал из рюкзака Сердце Крови. Красавчик смиренно сидел на плече.

Режиссёр внутри ядра почувствовал реагент и напрягся. Ментальная нить тревожно зазвенела.

Я послал успокаивающий образ.

Не тот запах. Не та тварь. Ты это уже знаешь.

Рысь помедлила. Потом осторожно согласилась. Как зверь, который подходит к миске с едой, поставленной незнакомцем. Не доверяет, но голоден.

Пришло время заняться стаей и наконец провести эволюцию Режиссёра. Я так долго этого ждал.

А потом вытащить этого позёра Раннера из таверны. Если надо — за его золотые локоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.